

Лагерь смерти

«5-й полк»

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

«5-Й ПОЛК»

Витебск
Витебская областная типография
2014

УДК [94+329.18:177](476.5-25)''1941/1945''(093.3)
ББК 63.3(4Бел)622
Л14

Составители: А. М. Подлипский, В. А. Ризо

В книге использованы фотографии из фондов Витебского областного краеведческого музея, документы из личного архива В. Ризо, фотографии А. Хитрова.

Схему концлагеря «5-й полк» с привязкой к современной местности по материалам В. Ризо подготовил А. Михайлюков.

Л14 **Лагерь смерти «5-й полк» / сост.: А. М. Подлипский, В. А. Ризо. — Витебск : Витебская областная типография, 2014. — 80 с. : ил.**

ISBN 978-985-534-059-2.

Витебский концлагерь «5-й полк» — одно из самых страшных мест принудительного содержания военнопленных и мирных жителей в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Это первая попытка собрать документальный материал и воспоминания узников этого лагеря.

Книга рассчитана на массового читателя.

УДК [94+329.18:177](476.5-25) 1941/1945 (093.3)
ББК 63.3(4Бел)622

ISBN 978-985-534-059-2

© Подлипский А. М., Ризо В. А.,
составление, 2014

© Оформление. УПП «Витебская
областная типография», 2014

Лагеря смерти — специализированные места, которые создавались гитлеровцами на оккупированных территориях во 2-й мировой войне для массового уничтожения граждан захваченных стран, использования их на принудительной работе. Были органической частью оккупационной политики геноцида. Согласно официальному назначению, делились на лагеря для военнопленных (дулаги, шталаги, офлаги), гражданского населения (трудовые лагеря СД, пересыльные лагеря СС, штрафные, женские, гетто) и др. В большинстве случаев размещались на открытой территории, огражденной колючей проволокой, с приспособленными, наспех оборудованными помещениями барачного типа, часто просто земляными норами или кипами. Охрану лагерей и уничтожение узников производили подразделения вермахта, СД, СС. В лагерях смерти проводилось уничтожение заключенных голодом, холодом, каторжной работой, издевательствами, расстрелами, сжиганием, преступными экспериментами врачей-садистов и т. д.

В. Пассэ

*(Беларуская энцыклапедыя.
Том 9. — Мн., 1999. — С. 88)*

Предисловие

Это — страшная книга, переносящая читателя в годы немецко-фашистской оккупации Витебска. Однако без нее и ей подобных нельзя обойтись. Нельзя не только потому, что она рассказывает о том, что такое нацизм и как он проявил себя в нашем городе. А еще и потому, что она является частью той «прививки», без которой нельзя будет жить грядущим поколениям. Ведь с каждым годом все дальше и дальше уходят от нас страшные годы Великой Отечественной войны и время, когда Витебск был оккупирован немецко-фашистскими войсками. И с каждым годом остается все меньше и меньше очевидцев: участников войны и тех, кто перенес ужасы оккупации и стал свидетелем преступлений нацистов и их добровольных помощников из местного населения. Вот почему имеющиеся архивные документы и свидетельства очевидцев должны быть известны каждому из тех, кто родился и вырос уже после войны.

Об ужасах нацистских концлагерей написано немало. Однако до сих пор не было ни одного издания, которое бы рассказывало о концентрационном лагере под названием «5-й полк». Он был одним из многих, которые нацисты создали в годы оккупации на территории Белоруссии. Этот — в Витебске, на окраине города, где с середины 1920-х годов был расквартирован 5-й железнодорожный полк. Это воинское подразделение прокладывало на территории Витебского округа

(области) железнодорожные пути. Работало хорошо. И неслучайно 18 сентября 1926 года этот полк был удостоен ордена Трудового Красного Знамени БССР — был такой орден, учрежденный Постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета и Советом Народных Комиссаров БССР 1 сентября 1924 года. Он присуждался отдельным лицам, предприятиям, учреждениям и организациям «за особые заслуги, совершаемые в области труда». За десять лет награждений (1924-1933) ордена Трудового Красного Знамени БССР были удостоены только 30 организаций и воинских частей и около 140 человек. 5-й железнодорожный полк, стоявший в Витебске, — в их числе (в это время командовал полком Н. А. Нартов [1], комиссаром был И. М. Рыжков).

Одной из самых заметных строек витебских военных строителей была железная дорога Орша-Лепель, которая и до сих пор связывает два этих города. Кстати, среди тех, кто служил в 5-м железнодорожном полку и кто принимал участие в реконструкции железной дороги Орша-Лепель, были два известных в советские годы партийных и государственных деятеля — Кирилл Мазуров и Михаил Зимянин. В книге К. Мазурова «Незабываемое» есть такие строчки: «Осенью 1936 года после двухлетней отсрочки меня призвали в Красную Армию. Я принял это с большим удовлетворением. <...> 5-й железнодорожный полк, дислоцировавшийся в Витебске, получил в том году молодое пополнение в основном за счет рабочей молодежи, но встречались красноармейцы и моего возраста, со средним техническим образованием. В полку я познакомился с М. В. Зимяниным, с которым вместе

работал под руководством политрука Якова Рянины в комсомольском бюро части. Вначале мы, молодые воины, участвовали в строительстве железных дорог Лепель-Орша [2] и Тула-Сухиничи. Через два месяца полк вернулся в Витебск, и началась нормальная армейская жизнь. После окончания полковой школы я стал помощником командира взвода».

Кирилл Трофимович Мазуров (1914-1989) — уроженец Гомельского района. Закончил Гомельский автодорожный техникум (1933). С 1933 года — техник, начальник Комаринского районного дорожного отдела. После службы в Красной Армии работал в политотделе Белорусской железной дороги, с июля 1939 г. — заведующий отделом Гомельского обкома, с марта 1940 года — секретарь Гомельского горкома комсомола, с сентября 1940 года — первый секретарь Брестского обкома ЛКСМБ. В годы Великой Отечественной войны Кирилл Трофимович сначала был на фронте политруком роты, командиром батальона, инструктором политотдела 21-й армии. С сентября 1942 года и до конца 1943 года К. Мазуров находился на оккупированной территории Беларуси со специальным заданием в качестве представителя Центрального штаба партизанского движения. В 1943-1947 годах он 2-й, 1-й секретарь ЦК ЛКСМБ, с января 1949 года — 2-й, 1-й секретарь Минского горкома партии, в 1950-1953 годах — 1-й секретарь Минского обкома партии, с июля 1956 года — 1-й секретарь ЦК КПБ, а в 1965-1978 годах — 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1974 году К. Мазурову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Столь же успешно сложилась карьера и Михаила Васильевича Зимянина (1914-1995). Уроженец Витебска, он в 1929-1931 годах работал в паровозном депо. После службы в Красной Армии закончил Могилевский педагогический институт (1939) и сразу оказался на комсомольской работе, в 1940-1941 годах — 1-й секретарь ЦК ЛКСМБ. В годы Великой Отечественной войны М. Зимянин был одним из организаторов подполья и партизанского движения в Беларуси. В 1946-1947 годах — министр просвещения БССР, в 1947-1953 годах — секретарь, 2-й секретарь ЦК КПБ, в 1953-1956 годах — в ЦК КПСС, в

К. Мазуров

М. Зимянин

1956-1965 годах — на дипломатической работе, в 1965-1976 годах — главный редактор газеты «Правда». Вершина его карьеры — 1976-1987 годы, когда наш земляк исполнял обязанности секретаря ЦК КПСС. В 1974 году М. Зимянину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

История 5-го железнодорожного полка не написана. Так уж получилось, что никого из историков и краеведов Витебска она до сих пор не заинтересовала. Но название этого окраинного района прочно вошло в употребление жителями города, даже несмотря на то, что в послевоенные годы этот полк в городе уже

не стоял. Печальную известность ему принесла немецко-фашистская оккупация 1941-1944 годов, когда неподалеку от казарм нацисты создали концлагерь для военнопленных, который в документах значился под шифром KL-313-SD.

Произошло это летом 1941 года. Сюда, на юго-западную окраину города, обнесенную колючей проволокой, нацисты согнали несколько тысяч военнопленных, которых разместили в восьми не приспособленных для жилья деревянных бараках. Три вышки с вооруженными охранниками позволяли полностью контролировать положение. В этом концентрационном лагере в среднем удерживалось до 40 тысяч человек: погибших и умерших заменяли новые военнопленные. Полуголодное существование (рацион: 100-150 г несъедобного «хлеба», «суп» из бураков и отбросов), непосильный принудительный труд, антисанитария, болезни и отсутствие хотя бы какой-нибудь медицинской помощи, постоянные издевательства охранников приводили к тому, что в лагере ежедневно погибало по несколько десятков человек. Это не считая тех, кого здесь расстреливали.

В книге «Витебское подполье» есть такие строчки: «Своей сплоченностью, целенаправленностью в подпольной деятельности медицинские работники города обязаны во многом М. Л. Мурашко. Вместе со своим ближайшим помощником Р. Ф. Махновым, который работал до войны в Ветринской районной больнице, а после оккупации Витебска был назначен М. Л. Мурашко на должность санитарного врача, они проводили большую патриотическую работу, спасли

много советских людей. Пользуясь правом беспрепятственного передвижения, Р. Ф. Махнов как санитарный врач регулярно посещал лагерь военнопленных, выявлял командиров Красной Армии, наиболее изнуренных голодом и побоями красноармейцев и под видом тифозных больных размещал их в гражданских больницах. Там они получали необходимую медицинскую помощь. После выздоровления направлялись в партизанские отряды. <...> М. Л. Мурашко взял из лагеря военнопленных и устроил работать дежурным врачом 1-й городской больницы Л. Я. Посвянского. <...> Из лагеря смерти на территории бывшего 5-го железнодорожного полка под видом тифозных больных в Якутинскую больницу [3] стали регулярно поступать военнопленные, а также оказавшиеся там партизаны и подпольщики. Фельдшер Григорий Соколов безошибочно умел отбирать из лагеря нужных людей. Заметит во время обхода истерзанного пытками узника лагеря — ставит против его фамилии: «Тиф». Гитлеровцы боялись этой болезни и немедленно санкционировали эвакуацию подобных «больных». Лепельская комсомолка-подпольщица Аня Парфинчук, партизанки Нина Подбельская, Людмила Застаринская и Надежда Овчинникова были таким образом вывезены из лагеря и переправлены в партизанский отряд через Якутинскую больницу. <...> В мае 1942 года в одном из донесений командования партизанского отряда М. Ф. Бирюлина сообщалось, что в их распоряжение на автомашине прибыло из Витебска шесть человек с оружием. Это были военнопленные И. Г. Фролов, И. Р. Наумов, А. Е. Подзоров, И. Мухитдинов и двое их товарищей. Они обслуживали немецкую роту связи, расположенную в Витебске по улице Комсомольской. Простые белорусские женщины П. П. Крылова, М. Б. Шолохова, Д. А. Богданова приняли горячее участие в судьбе советских воинов и связали их с армейскими разведчиками Аней Трухан и Василием Чирковым. Разработав подробный план побега, патриоты ждали удобного момента. Вскоре он представился. В начале мая 1942 года гитлеровские молодчики отмечали какой-то праздник. Военнопленные в это время возили воду из Западной Двины. Подвыпив, фашисты ослабили надзор за военнопленными, в распоряжении которых оказалась исправная автомашина. Наумов надел мундир немецкого офицера, уселся в кабину рядом с шофером И. Г. Фроловым, и они выехали на Городокское шоссе, где их ждали армейские разведчики. По пути в одной из деревень прихватили с собой местного старосту-предателя, забрали медикаменты в сельской аптеке и вскоре были в партизанском отряде. Спohватившись, гитлеровцы послали вслед за беглецами бро-

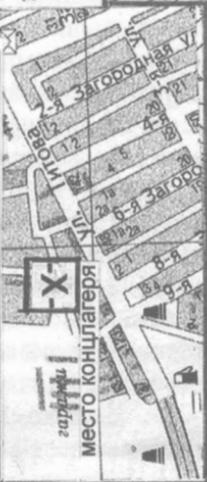
нетранспортер. Но, доехав до ближайшего леса, солдаты струсили и возвратились в Витебск. Инициатор побега И. Г. Фролов вскоре стал начальником штаба отряда № 5 бригады П. З. Потапенко, а затем храбро сражался с врагом в рядах Красной Армии, участвовал в штурме Берлина. Мужественными народными мстителями показали себя и остальные участники побега» [4]. Из Витебского лагеря военнопленных сбежал Арменак Карапетович Парнакьян, который стал отличным пулеметчиком в одном из партизанских отрядов бригады «Алексея» [5].

К началу 1943 года военнопленных в концлагере «5-й полк» уже не осталось.

Тогда в западной его части нацисты создали пересыльный лагерь для мирных жителей. Их собирали там для того, чтобы организованно вывезти женщин, стариков и детей в концлагеря, находившиеся на территории Польши и Германии. Особенно активно они стали сгонять сюда мирных жителей из Витебска и окрестных районов осенью 1943 года. В это время передовые части Красной Армии уже довольно близко подошли к Витебску и предприняли первую попытку освободить областной центр. Им, правда, тогда это сделать не удалось. Однако была освобождена значительная часть территории Лиозненского, Суражского и Городокского районов. (Так, например, Лиозно было освобождено 10 октября, Сураж — 28 октября, Городок — 24 декабря 1943 года). Имея представление о том, насколько активно жители Витебщины принимают участие в борьбе с ними, нацисты боялись удара с тыла. Поэтому в лагере оказалось не менее 12 тысяч человек [6], не считая, естественно, тех, кто раньше был вывезен в Освенцим, Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен и другие зловещие места принудительного удержания мирных жителей. И в этом лагере все повторилось: голод, болезни, непосильный труд, постоянные издевательства...

В мае 1944 года нацисты вывезли на машинах почти всех узников концлагеря на железнодорожную станцию, погрузили их в вагоны и повезли на юг. Оставили в лагере несколько десятков человек, среди которых были и дети. Их заставляли приводить оставленные бараки и другие помещения в порядок, убирать, ремонтировать. Для чего это надо было в то время, когда войска Красной Армии уже стояли в нескольких десятках километров от Витебска и всем было ясно, что освобождение города — дело ближайших дней, непонятно. Но факт остается фактом. Один из тех, кто был в этой группе, Иван Медведев, вспоминал: «После того, как в конце апреля или в начале мая 1944

Схема расположения концлагеря на современном плане Витебска

Условные обозначения

- граница концлагеря
- место наиболее массового захоронения
- бараки военнопленных
- штаб концлагеря
- футбольное поле
- казарма охраны

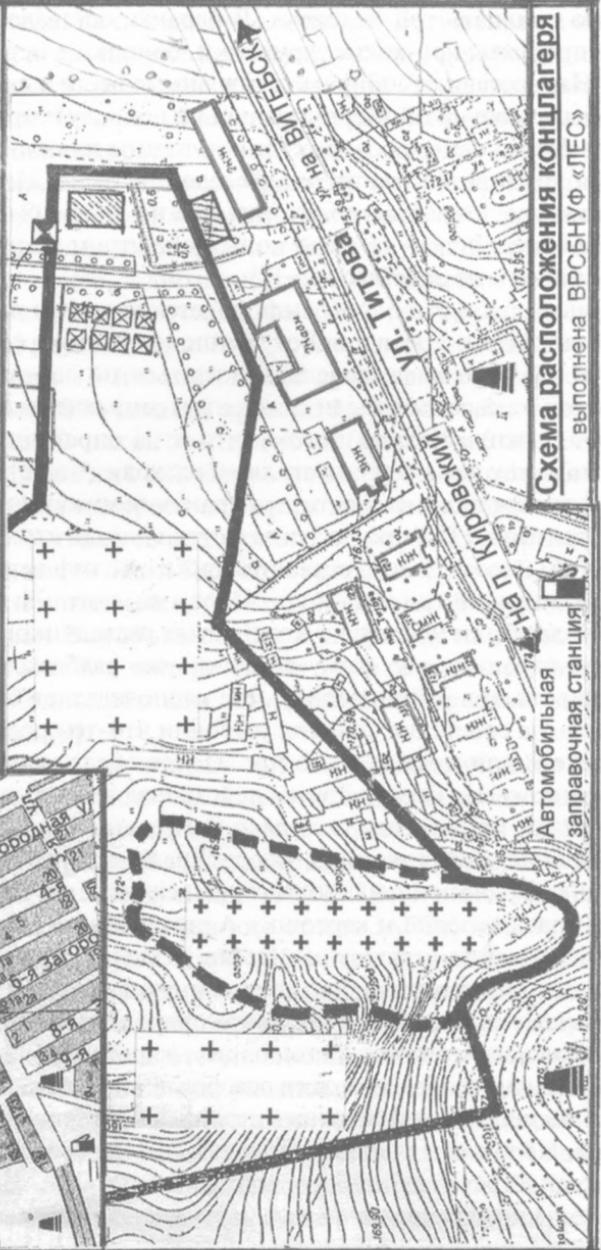

Схема расположения концлагеря
выполнена ВРСБУФ «ЛЕС»

года людей начали куда-то вывозить (никто не знал куда), осталось только тридцать три человека. В бараках оставалось много вещей, даже продукты кое-какие, кружечки, баночки с перетопленным жиром. Нас заставили собирать оставленные вещи и складывать. Немец там был с лошадкой. Вещи грузили на подводу и привозили в общий барак. Перед самым освобождением немцы планировали всех оставшихся ликвидировать, чтобы и следов не было. Но Красная Армия приближалась так быстро, что им уже не до нас было <...>. Спрятались в бане. Сидели там всю ночь, пока утром не пришли советские разведчики и не освободили» [7].

В числе тех, кого освободили советские воины в Витебском лагере, был и Михаил Исаков. Вот что он вспоминает сейчас: «Мы долго прятались от немцев, довелось скитаться по деревням, но в январе 1943 года всей семьей были схвачены и отправлены в концлагерь «5-й полк». Выжили, может, потому, что отца определили в хозяйственную команду, так нас не пустили «в расход». А в остальном в бараках оставались женщины и дети, гражданских мужчин и военнопленных расстреливали. Помню, два раза в сутки давали страшный гороховый суп — им наелся на всю оставшуюся жизнь, тиф пережили.

... Это было в три часа ночи. Первыми, кого мы увидели 26 июня 1944 года, были несколько коренастых разведчиков-сибиряков. Фашисты-охранники к этому времени уже разбежались. Нас быстро эвакуировали в район Чепино, где располагались бывшие немецкие бункеры, а советские солдаты устроили что-то вроде полевой кухни, где и кормили прежде всего нас. После обеда мы пешком пошли к своему дому. На берегу Двины действовал военно-полевой суд, куда пригоняли пойманных полицейев и всякий сброд. Кругом валялась разбитая немецкая техника, мы собирали остатки продуктов, какие-то вещи. В районе 17-й школы горели склады, оттуда, сколько могли, люди спасали зерно и картошку. А еще немного позже мне посчастливилось найти оставшуюся после разделки (по-видимому, стояла военно-полевая кухня) большую свиную кожу, да с остатками жира. Вот было счастье! Мать с нее до прозрачной пленки соскребала жир, переплавляла, и мы целый год на нем жарили...» [8].

По словам М. Исакова, всех освобожденных людей какой-то армейский чин переписал. Наверняка переписывали таких и в других районах города. Не так ли появилось это число — 118 человек, тех, кто 26 июня 1944 года встретил в Витебске своих освободителей? Именно его привел во время выступления на параде партизан и митинге жителей города 23 июля 1944 года первый секретарь обкома партии В. Кудряев.

А тех узников концлагеря «5-й полк», которых нацисты вывезли в начале мая 1944 года, высадили неподалеку от Богушевска и погнали в направлении леса, где уже была заготовлена территория нового лагеря, также обнесенная колючей проволокой. Здесь неподалеку от деревни Марьяново (это уже Лиозненский район) узники в невероятно тяжелых условиях провели еще несколько недель — нацисты собирались их использовать в качестве живого щита при наступлении Красной Армии. К счастью, мирным жителям на этот раз повезло: разведчики 97-й стрелковой дивизии отбили их у фашистов и спасли от гибели. Тем не менее, в лиозненской земле осталось лежать еще около четырех тысяч человек: одних фашисты расстреляли в первые дни неподалеку от места содержания, другие умерли от голода.

Через концлагерь «5-й полк» за все время его существования (сентябрь 1941-май 1944 годов) прошло более 150 тысяч человек, из которых более 80 тысяч там погибло (включая 6 тысяч мирных жителей). Среди них оказались не только военнопленные и население Витебска и окрестных сел и деревень, но и подпольщики, а также 397 узников витебского гетто. Среди погибших в концлагере «5-й полк» были Герой Советского Союза В. З. Хоружая и члены ее подпольной группы С. Панкова, Д. Суранова, К. Болдачева и семья Воробьевых. Всех их фашисты расстреляли 4 декабря 1942 года. А в январе-марте 1943 года там же погибло и большинство подпольщиков, потерпевших провалы в декабре предыдущего года [9].

Стоит вспомнить и некоторых других бывших узников лагеря смерти «5-й полк». О некоторых из них, ставших впоследствии партизанами, рассказал в своей книге «Мы — алексеевцы» П. Лебедев (Мн., 1985). Салман Мидаев был уроженцем села Гатинкали Шатовского района Чечено-Ингушской АССР. Закончив семилетку, он стал работать инспектором районного отдела ЗАГСа, в 1939 году был призван на действительную службу в Красную Армию, закончил кавалерийское училище и получил звание младшего лейтенанта. Когда началась Великая Отечественная война, молодой офицер сразу попал на фронт. «Он познал горечь отступления и радость побед, — пишет П. Лебедев. — В конце 1942 года раненным оказался в окружении, а затем в Витебском лагере военнопленных. Через некоторое время его отправили в Сосновку работать в хозяйстве штаба 3-й танковой армии, а затем коневодом у ее командующего генерала Рейнгардта. Салман стал помышлять о побеге: присматривался к людям, заводил знакомства с местным населением. <...> Побег наметили совершить

в пасхальную ночь с 26 на 27 апреля. Эту дату считали наиболее подходящей, так как в религиозный праздник полицаи запьянствуют всюю, а немцы будут полагаться на их бдительную службу». Побег оказался удачным. Так С. Мидаев оказался в партизанской бригаде «Алексея» и храбро сражался до окончания войны.

Татьяна Ивановна Шишова являлась еще одной узницей концлагеря «5-й полк». В 1938 году уроженка Владимирской области закончила 1-й Московский медицинский институт, затем работала терапевтом в Челябинской области. Уже в первые дни войны в качестве военврача третьего ранга она отправилась на фронт. «Начались тяжелые военные будни. Она видела кровь и смерть боевых друзей, познала горечь отступления, — пишет П. Лебедев. — В конце августа 1941 года под Великими Луками попала в окружение, а затем в плен. В сентябре с группой однополчан бежала из плена и пробиралась к линии фронта, но через десять дней вместе с друзьями была схвачена фашистами. Гитлеровцы долго их мучили в Велижской тюрьме, считая партизанами. Затем отправили в Витебский лагерь для военнопленных, который размещался в военном городке, где раньше стоял 5-й железнодорожный полк. Потянулись долгие дни и ночи лагерной жизни. Голод и холод, расстрелы и издевательства... Шишова, выбиваясь из сил, старалась оказать посильную помощь раненым и больным. Но вскоре и сама слегла. Дни ее уже были сочтены. Спасли витебские подпольщики. Им удалось вырвать из плена обессиленного врача и под видом местной жительницы определить на лечение в городскую больницу. После выздоровления устроили врачом сельского пункта в 10 километрах от Витебска. <...> Когда поступила команда, Татьяна Ивановна собрала медикаменты, перевязочные средства, инструменты и подалась к алексеевцам (т. е. в бригаду «Алексея» — А. П.). Сразу ее назначили врачом отряда «Моряк», потом — 1-го батальона, а впоследствии — начальником госпиталя бригады. Не один партизан с благодарностью вспоминает нашего замечательного доктора, не одного спасла она от смерти, излечила от ран и недугов и снова поставила в строй народных мстителей».

После окончания Великой Отечественной войны Т. Шишова жила и работала в городе Пушкине Ленинградской области.

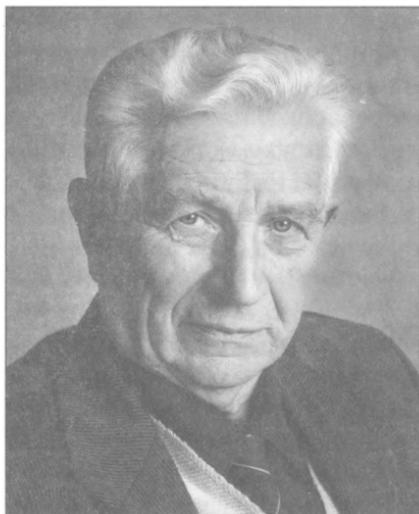
Еще о четырех партизанах, бывших узниках концлагеря, рассказывает П. Лебедев. «Начальником планово-экономического управления и членом коллегии Министерства бытового обслуживания населения РСФСР работал бывший партизан-алексеевец Василий Иванович Пирогов. В начале июля 1942 года он вместе с Георгием Лисиченко,

Павлом Голиковым и Александром Григорьевым с помощью витебских подпольщиков бежал из лагеря военнопленных и прибыл в отряд «Моряк», — пишет автор в своей книге. — Спустя некоторое время бывшего директора Московского деревообрабатывающего завода Павла Петровича Голикова назначили политруком роты, а потом и комиссаром отряда, Александра Григорьева из Рыбинска — заместителем командира отряда по хозяйству, а Василия Ивановича Пирогова — помощником комиссара отряда по комсомолу. Василий Иванович Пирогов родом из Ярославской области. В 1940 году с отличием окончил Ленинградский плановый институт и сразу же был призван в Красную Армию, служил в железнодорожных войсках. В октябре 1941 года подо Ржевом Пирогов попал в плен. Несколько раз пытался бежать, но все неудачно. Только на пятый раз повезло. Василий Иванович быстро врос в кипучую партизанскую жизнь. Он широко развернул работу среди комсомольцев и молодежи отряда «Моряк» и окружающих деревень. Проводил собрания, выступал с докладами и беседами, налаживал связи с подпольными комсомольскими организациями, вместе со всеми участвовал в боях, ходил на диверсии, в разведку и устраивал засады.

В июне 1943 года командование бригады поручило Сергею Сметанину и Василию Пирогову сформировать новый отряд, выделив им инициативную группу из 10 партизан. Через два месяца в отряде было уже более двухсот бойцов. Командиром назначили Сергея Марковича Сметанина, а комиссаром — Василия Ивановича Пирогова. Отряд назвали «Комсомолец». Так и провоевал Василий Пирогов до соединения с Красной Армией. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. А в послевоенный период за работу в народном хозяйстве его наградили орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

Павел Голиков и Александр Григорьев в 1943 году погибли в боях с фашистскими оккупантами.

Среди бывших узников концлагеря «5-й полк» был и Геннадий Александрович Соколов. До войны мальчик смог закончить только два класса лужеснянской школы. Вместе с родственниками и односельчанами оказался в лагере смерти, ему пришлось немало пережить за годы оккупации. А после войны Г. Соколов закончил витебскую СШ №20, служил в Советской Армии, работал в Суражском леспромпхозе. После окончания Витебского ветинститута исполнял обязанности главного ветврача совхоза «Докшицкий», затем прошел

Г. Соколов

З. Соколова

путь от аспиранта и ассистента кафедры паразитологии до доцента и профессора кафедры гигиены животных родного вуза. «Овцеводство — одно из ведущих направлений всех моих работ. С ним связаны темы кандидатской и докторской диссертаций», — рассказывает ученый. Он автор более 300 научных и методических работ, один из авторов «Ветэрынарнай энцыклапедыі», автор учебного пособия «Ветеринарная гигиена», нескольких монографий, 11 изобретений и рационализаторских предложений. Под руководством Г. Соколова защищено четыре кандидатские диссертации.

Малолетней узницей концлагеря «5-й полк» была и супруга Геннадия Александровича Антонина Ивановна, урожденная Боговенко. Она туда попала вместе с матерью Марией Степановной и пятью братьями и сестрами. Самые младшие из них — трехлетняя Екатерина и шестилетний Алик — умерли от истощения уже после освобождения из лагеря. Сама Зинаида Ивановна в 1958 году закончила физико-математический факультет Витебского пединститута, работала учителем и завучем в разных средних школах Витебской области, а в 1970-1992 годах — на подготовительном отделении ветеринарного института.

Среди узников концлагеря «5-й полк» оказался еще один доцент ветеринарного вуза — В. Кобозев. Владимир Иванович — уроженец Витебска. Когда началась Великая Отечественная война, его мать с тремя детьми отправилась к родным в деревню Плоты Куринского

сельсовета тогдашняго Суражскаго раёна (сейчас ёе ўжэ нет). Это была та самая дзевяня, в котарой совершил свой последний подвиг Герой Советскаго Союза Михаил Сильницкий. О том, как это произошло, ещё во время войны рассказал писатель Кондрат Крапива: «Гэта было 28 сакавіка 1942 года. Для знішчэння партызанскага атрада нямецкае камандаванне выслала карны атрад колькасцю каля 4-х рот. У немцаў была адна супрацьтанкавая гармата, пяць мінамётаў рознага калібру, 13 ручных і станковых кулямётаў, 50 аўтаматаў. Рэшта фашыстаў была ўзброена вінтоўкамі. Яны збіраліся знянацку напасці на партызан у раёне шклянага завода Ноўкі і знішчыць іх.

Камандзір партызанскага атрада тав. Р. загадзя ведаў аб намерах фашыстаў. Яшчэ напярэдадні яму аб гэтым данесла яго разведка. Міша таксама ведаў пра гэта. 27-га сакавіка ён ездзіў у разведку здабываць весткі пра карацеляў.

У партызанскім атрадзе было ўсяго паўтараста байцоў, чатыры кулямёты і дваццаць пяць аўтаматаў. Але таварыш Р. рашыў даць бой карацелям. Ён распалажыў сваіх байцоў у раене вескі Плоты так, каб знянацку ўдарыць па фашыстах з фронту і з флангаў. Аднаму кулямётнаму разліку ён загадаў распалажыцца на ўскраіне вескі Плоты і па сігналу чырвонай ракеты ўдарыць у тыл карацелям. Гэта заданне было дадзена самаму стойкаму і храбраму партызану Міхаілу Сільніцкаму. Міша са сваім разлікам распалажыўся на вышках крайняй хаты. Адгэтуль відаць была веска Курына, дзе прайшлі яго юнацкія гады і хлапецкія гульні. Цяпер там засталіся бацька і маці, сястра і меньшыя браты, якім пагражала страшэнная небяспека ад гітлераўскіх разбойнікаў. Крыўдна стала Мішу за сябе, за сваю сям'ю і родную веску, за родную Беларусь, якой стаў на грудзі кованы фашысцкі бот. Ён ляжаў за куляметам і цярпліва чакаў.

На павароце дарогі паказаўся галаўны дзор немцаў. Партызаны яго прапусцілі, не выдаючы свайго месцазнаходжання, і падрыхтаваліся да бою. За дзюрам ішлі асноўныя сілы карацеляў. Сцепаючыся ад халаду, паўбіраўшы голавы ў плечы, немцы пляліся за санямі, на якіх ляжала іх зброя. Яны падышлі ўжо на сто метраў, а партызаны ўсё не адкрывалі агню. Толькі калі фашысты падышлі метраў на пяцьдзесят, партызаны раптам сёканулі па калоне з кулямётаў, аўтаматаў і вінтовак.

Шмат фашыстаў лягло трупамі. Яшчэ больш курчылася ад болю, сплываючы крывей. Астатнія кінуліся ў бакі. Але і тут іх касілі партызанскія кулі. Здагадаўшыся, што яны трапілі ў агнявы мяшок, фашысты кінуліся назад. Тады ўзвілася чырвоная ракета і загаварыў ку-

В. Кобзев

лямёт Сільніцкага. Праз кароткі час шэсцьдзясят трупам нямецкіх салдат і афіцэраў валяліся на снезе. Але і становішча Сільніцкага было крытычным. Немцам другога выхаду не было, як толькі прарвацца назад. Тут быў толькі адзін кулямет. Фашысты гэта заўважылі і насядалі ўсё мацней. У Сільніцкага засталася ўсяго тры стужкі патронаў, і ён веў агонь вельмі эканомна: толькі калі фашысты падымаліся ва ўвесь рост, даваў па іх кароткую чаргу.

Калі ў Сільніцкага засталася толькі адна стужка патронаў, да фашыстаў падышло падмацаванне, Сільніцкі апынуўся ў агнявым кальцы.

Ён біўся да апошняга патрона і, калі больш не было чым страляць, рашыў адысці да сваіх. У час перабежкі куля прашыла яму нагу. Ён упаў і папоўз, цягнучы за сабой кулямет. Гітлераўцы ўзрадаваліся і вырашылі ўзяць адважнага партызана жывым.

Калі яны сталі падпаўзаць да яго, Сільніцкі выхапіў наган і стаў расстрэльваць немцаў з блізкай адлегласці. У гэты час куля прабіла яму правую руку. Сільніцкі бачыў, што яму ўжо не выратавацца, што прыйшоў яго канец, але малады патрыёт і не думаў здавацца. Ён рашыў біцца з ненавіснымі ворагамі да апошняга дыхання. Ён узяў наган у левую руку і, калі фашысты падпаўзлі на пяць метраў, выпусціў два апошнія патроны. Два гітлераўцы былі забіты напавал. Тады Сільніцкі выхапіў фінку, кінуўся на фашыстаў і закалоў яшчэ двух вырадкам. Зранены, сплываючы крывей, ён біўся да апошняга дыхання, пакуль не перастала біцца яго мужае сэрца. Так загінуў адзін з лепшых сыноў беларускага народа, камсамolec, партызан-куляметчык Міхаіл Федаравіч Сільніцкі».

Крайняя хата, с крышы котрой М. Сильницкий поливал огнем гитлеровцев, принадлежала деду Владимира Ивановича. Здесь во время оккупации и жила семья Кобозевых. После описанного события каратели согнали всех жителей деревни в один дом и уже собирались его поджечь, как, к счастью, какой-то офицер пожалел людей

и приказал отправить их в Витебский концлагерь. Всю деревню сожгли, а жители ее оказались в «5-м полку». Здесь Кобозевы (бабушка, мать, сестра и брат) пробыли почти до самого освобождения Витебщины. Узников погрузили в вагоны и хотели вывезти в Германию. Но около Старого Села эшелон попал под бомбежку советских самолетов. Немцы разбежались, и вскоре люди увидели танки с пятиконечными звездами на броне. «О тех страшных днях запомнилось не так уж много: я был еще слишком мал, чтобы многое осталось в памяти,— вспоминает Владимир Иванович. — Помню первые дни в концлагере, так называемую санобработку, когда на морозе нас заставляли мыться, помню, как получали баланду, и постоянное чувство голода».

Л. Писарева

После освобождения Витебска В. Кобозев закончил школу, затем ветеринарный институт. С 1960 года работал в одном их колхозов. Затем возвратился в Витебск, поступил в аспирантуру, закончил ее. В 1975-1982 годах преподавал в Пермском сельскохозяйственном институте, защитил диссертацию, стал доцентом. Два года поработал в Гвинее, преподавал в политехническом институте города Канкана. В 1985 году вернулся в Витебск, где до ухода на пенсию 18 лет работал доцентом академии ветеринарной медицины. Кандидат биологических наук В. Кобозев — автор ряда методик, пяти внедренных рацпредложений. Впервые в Беларуси он изучил и внедрил в производство новую кормовую добавку (оксидат), основанную на природном торфе. Владимир Иванович — автор более 130 научных работ, соавтор трех учебников, один из авторов «Белорусской ветеринарной энциклопедии».

Вместе с матерью побывала в концлагере «5-й полк» и заслуженная артистка Беларуси Людмила Писарева (1939-2011). Выпускница театральной студии при Белорусском драматическом театре им. Якуба Коласа (1963), она в 1964-2011 годах являлась актрисой этого театра. «Созданные ею образы отличаются тонким психологизмом, точным

М. Денисова

выявлением эмоционального состояния, выразительным пластическим рисунком, сочной языковой характеристикой, — пишет об актрисе театровед Т. Гаробченко. — В комедийных ролях употребляет приемы гротеска, сатирической заостренности, буффонады». Среди лучших работ Л. Писаревой — Ульяна («Тревога» А. Петрашкевича), Мать («Порог» А. Дударева), Долгова («Касатка» А. Толстого), Мальвина («Нестерка» В. Вольского), Кристина Симоновна («Башня» А. Дударева, В. Некляева), Зоська («Сылгали Богу» А. Ждана), Бодяга («Телевизионные

помехи» К. Сакани), Мать Светланы («Любовь» Л. Петрушевской), Нетто («Московский хор» Л. Петрушевской), Таиса («Моя беда, моя любовь» М. Коляды), Мать («Потому что люблю» А. Поповой), Мать («Земля» по творчеству Якуба Коласа), Мать («Сон на кургане» Янки Купалы) и др. В 1976 году Л. Писаревой было присвоено почетное звание «Заслуженная артистка Беларуси», в 2002 году она была удостоена ордена Франциска Скорины.

Необходимо рассказать о документальных фотографиях, которыми проиллюстрирована эта книга. Все они взяты из фондов Витебского областного краеведческого музея. Фотографии с видами самого концлагеря и представителей американского Красного Креста, которые посетили Витебск вскоре после его освобождения, сделаны неустановленным специалистом местной фотографии «Гигиена». Скорее всего, именно этот визит и стал поводом запечатлеть в то время еще сохранившиеся бараки концлагеря «5-й полк». Американцев во время пребывания в городе на Западной Двине сопровождала тогдашняя заведующая отделом здравоохранения Витебского облисполкома, член областной Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами в 1941-1944 годах, М. Денисова.

Мария Владимировна Денисова (1914-1989) являлась уроженкой д. Осиновки Лиозненского района. В 1931-1932 годах она работала на-

борщицей типографии им. Коминтерна (ныне — Витебской областной типографии). В 1932-1937 годах она училась в Минском медицинском институте, а затем три года заведовала врачебным участком в Белицком сельсовете Сенненского района. В предвоенные годы М. Денисова исполняла обязанности заместителя председателя Витебского облисполкома. В начале Великой Отечественной войны Мария Владимировна работала главврачом районной больницы в Чкаловской (Оренбургской) области, а с июня по октябрь 1943 года она являлась начальником санитарной службы оперативной группы ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения при Западном фронте. В 1943-1952 и 1957-1964 годах М. Денисова — заведующая отделом охраны здоровья Витебского облисполкома, в 1952-1957 годах возглавляла кафедру социальной гигиены и охраны здоровья Витебского мединститута. Мария Владимировна была награждена орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», Отечественной войны 2-й степени, медалью «За трудовое отличие», знаком «Отличник здравоохранения СССР». В 1966 году ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач БССР».

На фотографии запечатлено пять человек (четыре мужчины и одна женщина), стоящих у раскопанной могилы с останками узников

Делегация американского Красного креста на месте бывшего концлагеря

концлагеря. Это женщина и есть М. Денисова. Рядом с ней — американцы. Стоит выше их — переводчик. К сожалению, Мария Владимировна не оставила никаких воспоминаний об этом визите. О нем упоминается (неизвестно, по каким источникам) только в книге «Витебск. Историко-экономический очерк» (Минск, 1974). В ней есть такие строчки: «Освобожденный город посетили американцы. Осмотрев его, они вынесли приговор:

— Это мертвый город. Ему пришел конец. Нет такой силы, которая вернула бы ему жизнь.

Откуда было знать им, заокеанским гостям, характер советских людей?

Так ли на самом деле сказали американцы, или их слова послевоенные советские идеологи переврали, передали так, как им было угодно, теперь уже не проверишь. Но это единственное найденное мною упоминание о приезде представителей американского Красного Креста в Витебск вскоре после его освобождения. А фотографии, на которых изображены узники концлагеря «5-й полк» после их освобождения у деревни Марьяново Лиозненского района, выполнены военным фотографом В. Аркашевым.

Василий Иванович Аркашев (1914–1996) родился в Вязьме. В 1933 году закончил курсы фотографов-журналистов в Харькове и три года проработал фотокорреспондентом некоторых украинских газет. В 1936 году он был призван на срочную службу в Красную Армию. На фронте оказался с первого дня Великой Отечественной войны, с апреля 1944 г. исполнял обязанности фотокорреспондента газеты 3-го Белорусского фронта «Уничтожим врага». После окончания войны продолжал работать в военной прессе: в газетах Белорусского военного округа и Группы советских войск в Германии. В 1963–1970 годах — фотокорреспондент журнала «Сельское хозяйство Белоруссии», с 1971 года работал фотокорреспондентом творческой студии Союза журналистов Белоруссии «Фото и жизнь». В. Аркашев — автор трех книг: фотоальбомов «Фронтowymi дорогами» (Мн., 1969) и «Дорогами Василия Теркина. Страницы из фронтовой жизни А. Твардовского» (Мн., 1982), сборника документальных рассказов о судьбах героев войны «Мы встречались в бою». Член Союза журналистов СССР. Василий Иванович был удостоен звания «Заслуженный работник культуры БССР». За годы войны В. Аркашев был награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями «За боевые заслуги». Его фронтовые фотографии в 1975 году удостоены первой премии на международном конкурсе газеты «Правда» и серебряной медали и диплома 2-й степени на Всесоюзной выставке, посвященной 30-ле-

тию Победы. А сравнительно недавно, с 17 июня по 15 июля 2009 года, посмертная выставка фотографий В. Аркашева «Моя война» прошла в Центральной публичной городской библиотеке им. Янки Купалы в Минске. Она была организована Белорусским государственным архивом кинофотофонодокументов, в котором хранится основная часть творческого наследия фотомастера. На выставке было представлено 30 фотографий Василия Ивановича, сделанных в годы Великой Отечественной войны, — бесценные свидетельства героической Победы советского народа, обладающие большой художественно-выразительной силой и исторической правдивостью. Работы фотомастера сейчас хранятся

В. Аркашев

не только в Минске, но и в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов России в Красногорске, а также в Витебском областном краеведческом музее, куда их автор передал в 1960 году. В июне 2000 года газета «Витьбичи» опубликовала некоторые из этих фотографий. На одной из них были запечатлены только что освобожденные узники концлагеря «5-й полк» — мужчина и женщина с пятью малолетними детьми. Среди них родные опознали В. Ситова (1940–2008), хорошо известного в Витебске человека, многолетнего руководителя знаменитого на всю страну специального конструкторского бюро зубообрабатывающих, шлифовальных и заточных станков.

Владимир Онисимович Ситов родился в Витебске в рабочей семье. Его отец погиб во время советско-финской войны под Выборгом. Поэтому матери пришлось одной поднимать четверых детей. Жили очень бедно. Мальчику шел только четвертый год, когда нацисты всех уцелевших к тому времени жителей Марковщины согнали в концлагерь «5-й полк». «Гнали прямо по улице, по проезжей части, — рассказывал по воспоминаниям матери незадолго до смерти Владимир Онисимович, — но когда мы проходили мимо одного здания,

занятого фашистами, то все видели приспущенный, с траурной лентой фашистский флаг, и по колонне пронеслись радостные возгласы: немцев вчера побили под Сталинградом».

В 1957 году Владимир закончил с золотой медалью среднюю школу. Его без вступительных экзаменов приняли бы в любой вуз страны, но в семье не было возможности не только ему помогать во время учебы, но и даже найти деньги на поездку в Москву, Ленинград или Минск. Поэтому мама предложила сыну пойти работать. Узнав об этом, учителя школы, в которой учился Ситов, собрали деньги на билет. Их хватило только до Минска. Так Владимир Онисимович оказался на машиностроительном факультете Белорусского политехнического института, после окончания которого пришел на работу в витебское СКБ №13, больше известное по последнему своему названию — специальное конструкторское бюро зубообрабатывающих, шлифовальных и заточных станков. В 28 лет В. Ситов возглавил отдел, в 34 года стал главным инженером, а затем еще на протяжении многих лет возглавлял эту хорошо известную во всей стране организацию. В. Ситов — лауреат Государственной премии БССР (1982), премии Совета Министров СССР (1988), премии Всесоюзного общества изобретателей и

В. Ситов (стоит в центре в белом платке) среди узников

рационализаторов СССР. Он награжден орденом «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть» (1971), «За освоение целинных и залежных земель» (1956), «Ветеран труда». В 1996 году В. Ситов избран членом-корреспондентом Белорусской инженерной академии, в 1981 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный изобретатель БССР», три года спустя — «Заслуженный работник промышленности БССР».

В. Ситов

Я тоже знал Владимира Онисимовича, неоднократно с ним встречался, брал у него интервью. Могу свидетельствовать:

это был, действительно, незаурядный человек, сумевший создать удивительный коллектив, который знали по всему Советскому Союзу. У него был огромный авторитет не только в своем коллективе. К его слову прислушивались даже очень большие начальники республиканского и союзного уровня. «Он был не только высококвалифицированным специалистом и умелым руководителем, но и разносторонне образованным, очень начитанным человеком. Он хорошо знал русскую и иностранную литературу, классическую музыку, — вспоминает вдова В. Ситова Людмила Валентиновна. — Уже будучи на пенсии, Владимир Онисимович написал воспоминания о своей жизни, издал их первую часть. Его преждевременный уход из жизни для меня и наших сыновей стал настоящей трагедией».

На еще одной фотографии В. Аркашева изображена семья Бересневых: Варвара Ивановна и четверо ее детей — Алик, Станислав, Тамара и Вера. Почему именно эту семью фотограф выбрал из многих им подобных, он в своих воспоминаниях не написал. Зато описал встречу с этой семьей спустя много лет. «Солнечным июньским днем я остановился у дома № 3 на тихой улочке Витебска. Волновался: ведь прошло много лет с тех пор, как был сделан снимок, семья могла сменить адрес. Да мало ли что могло произойти за четверть века.

— Здравствуйте. Могу ли я видеть Варвару Ивановну?

— Я — Варвара Ивановна. Пожалуйста, проходите.

Я смутился. Думал, что произошла ошибка. Чтобы рассеять свои сомнения, тут же хозяйке дома вручил фронтową фотографию. Она молча разглядывала ее, и я видел, как лицо Варвары Ивановны изменялось, как стало совсем грустным. А потом на ее щеках появились слезинки. Наверное, в этот момент перед женщиной снова прошло все то страшное, что довелось ей испытать в годы войны». По-разному сложилась жизнь у членов этой семьи. Тогда, в конце 1960-х, Альберт Береснев работал маляром сборочного цеха на станкостроительном заводе им. Коминтерна, Вера Береснева — ткачихой на ковровом комбинате, Тамара Береснева — на шелкоткацкой фабрике. Самый старший — Станислав — строил железные дороги на Дальнем Востоке.

С тех пор, как были опубликованы эти заметки В. Аркашева, прошло еще 44 года! И я вновь разыскиваю эту семью. Увы, сейчас никого из них уже нет в живых. А ведь по возрасту почти все (кроме матери) вполне могли жить! Что ж, военные годы и «лагерные» месяцы

*Семья Бересневых. Фото слева — после освобождения из фашистского концлагеря (Алик, Станислав, Тамара, Варвара Ивановна, Вера).
Фото вверху — в конце 1960-х гг. (Алик, Вера, Варвара Ивановна, Тамара).*

не могли не отразиться на их здоровье. Вечная им память, десяткам тысяч невинных жертв фашизма!

* * *

В конце ноября - начале декабря 1947 года в Витебске состоялся судебный процесс над десятью нацистскими военными преступниками. Среди них был и последний комендант концлагеря «5-й полк» Ганс Дилльманн. Он, как и другие подсудимые, обвинялся в преступлениях против человечности, в убийстве нескольких десятков тысяч человек. Несмотря на то, что вина Дилльманна, как и всех остальных обвиняемых, была полностью доказана, бывший комендант концлагеря оказался в числе двух, кто не признал себя виновным! Тем не менее, он, как и все обвиняемые, был осужден на 25 лет исправительно-трудовых лагерей [10].

В память о жертвах концентрационного лагеря «5-й полк» в Витебске на его территории в 1964 году установлен памятник. Первона-

Трибунал Прибалтийского военного округа. Фото И. Гущина

начально там планировалось открытие мемориальной доски. Решение об этом принял исполком городского Совета депутатов трудящихся 28 мая 1964 года. Однако в процессе работы было решено соорудить памятник по проекту витебского архитектора А. Бельского. Он представляет собой четырехгранный 14-метровый обелиск пирамидальной формы. На мемориальной доске надпись: «Здесь погребены десятки тысяч советских граждан, зверски замученных и расстрелянных фашистами в лагере смерти. 1941-1944». Торжественное открытие памятника состоялось в день 20-летия освобождения города от немецко-фашистских захватчиков — 26 июня 1964 года. Позднее, 25 июня 2012 года, рядом с обелиском была сооружена православная каплица, хотя среди погибших были и католики, и протестанты, и мусульмане, и, естественно, атеисты. Следовало бы, на мой взгляд, поступить так, как это сделали устроители мемориального комплекса «Катынь» под Смоленском, где почтили память о жертвах всех конфессий, а не только католиков.

Ежегодно на месте бывшего концлагеря «5-й полк» проходят встречи бывших узников концлагерей, здесь в соответствующие дни регулярно производятся возложения венков и цветов. Это одно из самых почитаемых мест города периода Великой Отечественной войны. И тем более было странно прочитать в книге некого Леонида Аникеева

Общий вид суда. Фото И. Гущина

«Тайны фашистских лагерей» (М., 2005) вот такие фразы (стилистика оставлю на совести этого разухабистого автора!): «А через Пятый полк прошло 150 тысяч советских солдат и мирных жителей, более половины из них погибло, **и о нем мало кто знает. Даже в самом Витебске не помнят**». И далее: «**А о Пятом полку никогда не вспоминают** (выделено мною — А. П.) — в рамках города, области, республики... Беспамятливые мы». Вот уж поистине: избави нас Бог от заезжих из далеких краев «знатоков-первооткрывателей»!

Увековечена память и о тех четырех тысячах узников концлагеря «5-й полк», которые погибли в мае-июне 1944 года неподалеку от деревни Марьяново Лиозненского района. Здесь в начале мая 1998 года был открыт в торжественной обстановке памятник из черного гранита, который изготовило ООО «Витгран». На нем написано: «В этом районе был лагерь смерти. С мая по 3 июня 1944 года немецко-фашистские захватчики уничтожили около четырех тысяч мирных граждан. Светлая память безвинно погибшим». А спустя несколько лет рядом с ним была сооружена деревянная православная каплица.

До наших дней сохранилось очень мало документов, рассказывающих о том, что происходило в концлагере «5-й полк» в 1941-1944 годах. Об этом мы знаем в основном из свидетельств тех, кому чудом удалось выжить. В первой главе этой книги приводится документаль-

Упамятника жертвам концлагеря «5-й полк». Фото А. Хитрова

ный материал — основная его часть взята из Государственного архива Витебской области. Во второй главе книги собраны воспоминания узников этого концлагеря, которые были опубликованы в различных СМИ и в сборнике «Дети войны» (<Вт.>, 2009). В третьей — публикации СМИ и воспоминания узников о лагере у деревни Марьяново Лиозненского района.

Аркадий Подлипский

Глава 1. О чем рассказывают документы

Акт комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в Витебске

Витебск

26 сентября 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе: начальник УНКВД по Витебской области подполковник госбезопасности Гоголев, военный прокурор войск НКВД майор юстиции Новиков, облсудмедэксперт Силишев, сотрудник УНКВД мл(адший) лейтенант Домашнев, начальник облсанэпидстанции Демьянченко и облгоссанинспектор Кардаш по поручению областной комиссии содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов произвели обследование мест захоронения истребленных немецкими оккупантами советских граждан на территории города Витебска.

Материалами следствия, осмотра мест истребления и захоронения, а также судебно-медицинскими исследованиями трупов и их останков комиссия установила:

В течение всего периода временной оккупации на территории г. Витебска и его окрестностей немецко-фашистские варвары производили массовые, систематические истребления советских военнопленных и мирных граждан. Немецко-фашистские изверги уничтожили десятки тысяч бойцов и офицеров Красной Армии. Многочисленные места захоронения, обнаруженные комиссией в районе г. Витебска, свидетельствуют о планомерном умерщвлении фашистскими захватчиками детей, подростков, женщин и стариков.

С целью сокрытия совершенных злодеяний немцы в некоторых местах делали запахивания могил, ям и траншей и посев на них.

В районе г. Витебска и его окрестностей комиссией обследованы могилы массовых жертв фашистского террора:

1. На территории бывшего 5-го железнодорожного полка;
2. На территории кирпичного завода;
3. На территории Ново-Улановской горы и Черного болота.

Лагерь военнопленных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка (в трех километрах от г. Витебска, между двух шоссе-ных дорог – на Полоцк и на Городок). Здесь комиссия обнаружила 70 могил, имеющих в среднем <величину> 7х8х4 м, и, кроме этих могил, еще до трехсот могил размером 2,5х3х3,5. Трупы, найденные в могилах, находились в беспорядочном положении, т. е. одни из них лежали вниз лицом, другие вверх ногами, третьи с поджатыми коленями к

животу, четвертые — ногами к лицу пятых и т. п. Большинство из них были одеты в военную или гражданскую одежду.

Судебно-медицинским осмотром установлены повреждения костей черепа тупыми предметами (например, прикладами винтовок) и пулевыми ранениями из огнестрельного оружия. Осмотром пулевых ранений в костях черепа и тела установлено, что большинство входных отверстий пулевых ранений расположено в области затылка головы и задних частей тела. Судебно-медицинским исследованием трупов и свидетельскими показаниями граждан установлено, что содержащиеся в лагере военнопленные и мирные жители умерщвлялись путем создания голодного режима при непосильном изнурительном физическом труде, антисанитарных условий, ведших к массовым инфекционным заболеваниям (сыпной тиф, дизентерия и др.), лишения медицинской помощи, истязаний и систематических расстрелов. В одной из ям, величиной 15x10x5 м, найдено большое количество трупов в военной одежде с наличием сохранившихся бинтов и металлических проволочных шин на местах ранений и переломов костей. Эта яма была заполнена исключительно ранеными военнопленными. Другая яма, представляющая собою почти круглую форму, заполнена трупами мужчин в военной форме, умерших от изнурительного голода и холода. Трупы не имеют под сохранившейся кожей никакой подкожно-жировой клетчатки. Это скелеты, обтянутые кожей. В верхнем слое этой ямы насчитано комиссией до трехсот трупов, а таких слоев здесь было семь.

Западная сторона лагеря. Здесь в низинах обнаружено несколько могил крупного размера. В одной из них, размером 7x8x4 м, трупы военнопленных в одежде с солдатскими котелками, пустыми консервными банками, привязанными к поясному ремню или заменяющей ремень проволоке. Здесь много ложек, кружек, баночек с крупинками соли и других предметов. В этой яме найден труп одной женщины в гражданской одежде, рядом с которой лежал стакан с вложенными в него детскими чулочками.

Преобладающий возраст погибших 20-30 лет.

Общее количество расстрелянных и погибших от голода и истязаний и похороненных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка, по свидетельским показаниям и данным экспертизы, превышает 80 тысяч человек, из них было около 4000 человек гражданского населения: детей, стариков, женщин.

Расследованием комиссии установлено, что лагерь военнопленных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка был местом

массовых расстрелов советских людей с первых дней оккупации до дней прихода Красной Армии. Здесь с целью сокрытия следов злодеяний немцы производили запашки плугами поверхностей могил.

Настоящий акт составили и подписали:

Гоголев, Новиков, Силищев, Домашнев, Демьянченко, Кардаш [11].

*(Государственный архив Витебской области.
Ф. 1971, оп. 6, д. 1, л. 1-2)*

Из «Акта по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории Железнодорожного района г. Витебска, БССР»

В феврале месяце 1944 года немцы сделали поголовную облаву и всех жителей города заключили в бывший лагерь военнопленных — 5-й полк. <...> Свыше 12 тысяч гражданского населения, почти исключительно женщин, стариков и детей, в февральскую стужу были загнаны немцами на территорию лагеря <...>. В нечеловеческих условиях тысячи людей содержались в этом лагере до мая месяца. Свыше 1000 человек погибли за это время. Оставшиеся в живых в начале мая месяца были погружены немцами в товарные вагоны. В забитых вагонах, несколькими составами повезли к линии фронта; в течение десяти дней водили по лесу и наконец поместили за колючую проволоку под открытым небом в зоне переднего края обороны — в расстоянии 8-10 км от станции Крынки Западной железной дороги. Сюда же немцы привезли несколько сот сыпнотифозных больных. В начале июня месяца немцы ночью сняли свою охрану. <...> Около 4-х тысяч человек погибли за время нахождения в этом лагере.

*(Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 7021, оп. 84, д. 3, л. 28)*

Из докладной записки «Об итогах следствия по группе немецких военных преступников в гор. Витебске»

Полковник Дилльманн служил в должности командира 1 батальона 247 охранного полка 707 охранной дивизии, а затем комендантом лагерей для военнопленных в городах Витебск, Полоцк и Орел. В марте-апреле месяце 1942 года Дилльманн, командуя охранным батальоном в составе 707 охранной дивизии, проводил карательные экспедиции против мирного населения на территории Глусского и Октябрьского районов Бобруйской области. По его приказам в полосе действия вверенного ему батальона производились массовые аресты,

расстрелы и сжигались живыми мирные советские граждане, истреблялось имущество граждан и грабилось население. В деревне Косарики Глусского района расстреляно 13 человек советских граждан, трупы их сожжены в деревянном сарае. В деревне Замосточье Глусского района расстреляно 78 чел. советских граждан, а имущество их разграблено. Об этой экспедиции свидетель Касько Максим показал:

«Это было в марте месяце 1942 года. Мартовским днем в нашу деревню Замосточье ворвался немецкий карательный отряд. 200 немецких солдат окружили деревню и все взрослое население согнали в один дом, там раздели граждан, вывели во двор и всех расстреляли из автоматов. Погибло более 70 человек».

В деревне Козловичи Глусского района перед населением было подвергнуто пыткам и расстреляно 6 советских патриотов, а гражданка Алехина Дарья живой брошена в горящий дом и сожжена. Деревни Смыковичи, Рудня, Ковали, Карпиловка и Ловстыки Октябрьского района были полностью сожжены, а население, в том числе и дети, — расстреляно. Свидетель Рогович Иван Ефимович из деревни Карпиловка Октябрьского района показал:

«В апреле месяце 1942 года в деревню Карпиловку въехал немецкий карательный отряд численностью 300 человек. Они начали расправу с населением. Всего было расстреляно жителей деревни Карпиловка 500 чел.».

Батальоном Дилльманн<a> из района проведения карательной экспедиции было насильственно изъято более 500 голов рогатого скота, арестовано и сдано в карательные органы 200 человек советских граждан. Отличившись непомерной жестокостью к мирным советским гражданам в 707 охранной немецкой дивизии, Дилльманн был досрочно произведен в чин полковника, награжден Железным крестом II-го класса и в конце февраля 1943 года назначен на должность начальника Витебского лагеря военнопленных Советской [12] Армии. Исполняя приказы гитлеровского Верховного командования о массовом истреблении советских военнопленных, Дилльманн установил губительный режим в Витебском лагере, проводил физическое уничтожение, массовые репрессии и расстрелы советских военнопленных. Обвиняемый Дилльманн по этому вопросу показал:

«Я поддерживал в лагере режим, который в итоге должен был привести и приводил к голодной смерти военнопленных. Ничтожный рацион питания приводил к истощению организма, а изнурительный труд от восхода до захода солнца ускорял окончательное его разрушение».

Витебский лагерь военнопленных был превращен в лагерь смерти, куда в марте-апреле месяце 1943 года было согнано до 20 тысяч мирных советских граждан, среди них большое количество женщин, стариков и детей, насильственно угнанных немецко-фашистскими извергами из деревень Витебского и Городокского районов Витебской области. Оставшиеся в живых советские граждане направлялись в лагерь смерти Майданек и Освенцим, где уничтожались. Допрошенная свидетельница Шакуро Елена показала:

«В конце марта 1943 года немецкие солдаты всю нашу семью и жителей деревни Храповичи пригнали в Витебский лагерь военнопленных. Там было очень много гражданского населения — стариков, женщин и детей. В бараке, куда нас поместили, не было пола, стояли только голые проволочные нары в 3 яруса, была ужасная скученность, грязь. Царил голод и эпидемия тифа. Люди умирали от голода, тифа и каторжного труда, умирали в массовом количестве по 20-30 человек в день. В апреле месяце 1943 года наша семья — мать 60 лет, отец 70 лет, моя дочь Мария 15 лет, сын Иван 12 лет и <сын> Виктор 2-х лет — из Витебского лагеря транспортом, в котором было более 1000 человек, вывезена в лагерь смерти Майданек. В этом лагере погибли от болезни и голода мои престарелые родители, а 2-хлетнего сына Виктора заживо сожгли в крематории».

Содержавшиеся в Витебском лагере военнопленные и мирные советские граждане в массовом количестве расстреливались. Военнопленных и других лиц, загнанных в лагерь, мог расстрелять каждый немецкий солдат, не неся за это никакой ответственности. В результате чинимых злодеяний в Витебском лагере военнопленных расстреляно, замучено, погибло от голода и болезни более 100 тысяч человек советских граждан.

В мае месяце 1943 года Дилльманн был назначен и работал комендантом Полоцкого лагеря военнопленных, где продолжал уничтожать советских людей. Как опытный каратель-тюремщик в 1943 году Дилльманн был назначен начальником строительства усовершенствованного лагеря смерти для советских военнопленных в городе Орле.

Из обвинительного заключения по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками на территории Витебской области

Обвиняемый полковник германской армии Ганс Дилльманн, отличившись в 707-й охранной дивизии своей непомерной жестокостью

по отношению к мирным советским гражданам, был досрочно произведен в чин полковника, награжден Железным крестом II класса и в конце февраля 1943 г. назначен на должность начальника Витебского лагеря военнопленных Советской Армии. Там Дилльманн установил террористический режим, издевался над советскими военнопленными и производил их физическое уничтожение <...>

Обвиняемый Дилльманн показал: «Я поддерживал в лагере режим, который в итоге должен был привести и приволил к голодной смерти военнопленных. Ничтожный рацион питания приводил к истощению организма, а изнурительный труд от восхода до захода солнца ускорял окончательное его разрушение» (Том 7, л. д. 63).

Витебский лагерь военнопленных был Дилльманном превращен в лагерь смерти. В марте и апреле 1943 г. в этот лагерь было согнано до 20 тысяч мирных советских граждан, среди них большое количество женщин, стариков и детей, насильственно угнанных гитлеровцами из деревень Витебского и Городокского районов Витебской области. В результате в Витебском лагере военнопленных было расстреляно, замучено, погибло от голода и болезней более 100 тыс. советских граждан (Том 7, л. д. 299-300). Оставшиеся в живых направлялись в лагерь смерти Майданек и Освенцим, где они уничтожались.

Свидетель Шакуро Елена показала: «... В конце марта 1943 г. немецкие солдаты всю нашу семью и жителей деревни Храповичи пригнали в Витебский лагерь военнопленных. Там было очень много гражданского населения, стариков, женщин и детей. В бараке, куда нас поместили, не было пола, стояли только голые проволочные нары в три яруса, была ужасная скученность, грязь, царил голод и эпидемия тифа. Люди умирали в массовом количестве, по 20-30 человек в день. В апреле 1943 г. наша семья — мать 60 лет, отец 70 лет, моя дочь Мария 15 лет, сын Иван 12 лет и сын Виктор 2-х лет из Витебского лагеря транспортом, в котором было более 1000 человек, вывезена в лагерь смерти Майданек. В этом лагере погибли от болезни и голода мои престарелые родители, а 2-хлетнего сына Виктора заживо сожгли в крематории» (Том 7, л. д. 265-267).

В мае 1943 г. Дилльманн был назначен комендантом Полоцкого лагеря военнопленных, где он продолжал уничтожать советских людей (Том 7, л. д. 105, 106). <...>

На основании изложенного: <...>

Дилльманн Ганс, 1887 года рождения, немец, уроженец города Байрбита, полковник <...> обвиняется: <...> в том, что он, состоя в должности командира батальона охранной дивизии, проводил

карательные экспедиции и под видом борьбы с партизанами расстреливал мирных советских граждан и сжигал населенные пункты. Состоя в должности коменданта Витебского и Полоцкого лагерей советских военнопленных, он поддерживал террористический режим в этих лагерях, поощрял произвол и всеми мерами добивался истребления заключенных. В силу созданных Дилльманном невыносимых условий в лагере ежедневно умирало 20-30 человек. Много военнопленных и советских граждан расстреливались по указаниям Дилльманна.

Из газетных отчетов о судебном процессе в гор. Витебске по делу о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, причиненных в Белорусской ССР

Вечернее заседание 29 ноября

На вопрос председательствующего к представителю государственного обвинения, защиты и подсудимым, есть ли отводы составу суда, стороны и подсудимые отвода не заявили. Затем зачитывается обвинительное заключение. На вопрос председательствующего к обвиняемым, признают ли они себя виновными, все подсудимые, исключая Хиттера и Дилльманна, виновными себя признали.

(Газета «Віцебскі рабочы», 2 декабря 1947 г.)

* * *

На вечернем заседании 1 декабря был допрошен подсудимый Дилльманн, бывший полковник германской армии. Под тяжестью неопровержимых улик, несмотря на всякие увертки и отрицание своей вины, Дилльманн вынужден был признать, что по его приказу в Витебском лагере смерти, где он был комендантом, было замучено более 100 тысяч советских граждан. Свидетели Матышева и Галидова опознали подсудимого Дилльманна как бывшего начальника лагеря и непосредственного руководителя всех чинимых в лагере зверств и убийств советских граждан. На суде со свидетельскими показаниями выступил житель городского поселка Богушевска Оберенко Гавриил Петрович. Последний рассказал о разрушенных гитлеровцами в городе Витебске исторических ценностях — Покровской церкви, построенной 800 лет тому назад, Николаевском кафедральном соборе, имеющем 700-летнее прошлое, и многих других. Свидетель М. В. Денисова — член областной комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств, сообщила итоги вскрытия мест массового захоронения замученных советских людей на территории бывшего лаге-

ря военнопленных. В раскопанных 300 могилах выявлено свыше 80 тысяч трупов советских военнопленных и мирных жителей.

(Газета «Віцебскі рабочы», 3 декабря 1947 г.)

Глава 2-я. Вспоминая те страшные дни

Воспоминания, которые приводятся ниже, принадлежат одному из очень немногих взрослых узников концлагеря «5-й полк», который, пройдя еще несколько лагерей смерти, чудом остался жив. Алексей Аксенов (1921-1995), вероятно, единственный, кто из советских военнопленных написал мемуары об этих страшных витебских днях. Они воспроизводятся в книге «Цена ошибок», изданной в 2006 году в Санкт-Петербурге его дочерью Ольгой уже после смерти автора. Мы публикуем часть этих воспоминаний с ее любезного разрешения. После окончания Великой Отечественной войны Алексей Иванович Аксенов работал кассиром в Госбанке города Зеленограда Ленинградской области, а затем до ухода на пенсию — ревизором районного отдела народного образования Сестрорецкого района г. Ленинграда.

* * *

В самом начале великой битвы с проклятым фашизмом, участвуя в танковом бою под Витебском, я был ранен. Попал в немецко-фашистский плен. <...> Ровно через неделю нас перегнали в Витебский лагерь смерти, где вследствие обмана, жестокости и бесчеловечности нацистов были зверски замучены, расстреляны, погибли от ран, голода и болезней семьдесят шесть тысяч советских граждан [13]. То, о чем я вам расскажу, никогда не расскажут другие, зарытые в землю воины... <...> Первые дни неволи немцы держали нас под усиленной охраной в огороженном колючей проволокой загоне, в черте города. Лишь дней через десять перегнали в Витебский лагерь смерти, подготовленный за это время к приему пленных. Лагерь смерти находился рядом с Полоцким шоссе, примерно в трех километрах от городского железнодорожного вокзала. На месте, занятом под лагерь смерти, до войны квартировался железнодорожный полк. Хорошо просматриваемая, простреливаемая, продуваемая ветрами, омываемая дождями территория лагеря с четвертой стороны была опутана стальной колючей проволокой в два ряда. С южной и западной проволока тянулась по краю склона, за которым на равнине, в получасе ходьбы, начинался хвойный лес. С восточной, вдоль Полоцкого шоссе, и с северной, у пустыря, откуда брал начало пригород, около проволочного ограж-

дения с наружной стороны размещалось несколько постов охраны и возвышалась вышка, с которой днем и ночью смотрела на лагерь и на нас, пленных, одноглазая смерть. Внутри лагеря, в левом от входа, огороженном колючей проволокой квадрате, находилась комендатура, а также караульное помещение, в котором поочередно бодрствовали, спали и готовились в караул немецкие солдаты. Словом, были приняты все меры, исключающие возможность побега или бунта военнопленных.

Для тех солдат Красной Армии, которые попали в плен ранеными, был отведен отдельный уцелевший барак, находившийся вблизи проволочного ограждения в правом от входа в лагерь углу, рядом с Полоцким шоссе. В нем, в так называемом лазарете, — пристанище обреченных, раненые располагались всюду, где только были свободные места: на уцелевших одноместных беспружинных, довоенного выпуска, железных кроватях, на которых вместо матрасов и подушек лежали нестроганые доски-горбыли, а в проходах между ними — и на других, годных для лежания местах на деревянном полу. Одеялом, матрасом и подушкой раненым служила верная спутница — незаменимая серая солдатская шинель. <...>

За колючей проволокой в лагере смерти оказались тысячи воинов. Различны были обстоятельства их пленения, как и их последующие судьбы. Лагерь представлял в то время людской муравейник, состоящий из представителей многих национальностей: украинцев и русских, белорусов и евреев, грузин и татар, казахов, туркмен и многих других. Смешалось все: рода войск, звания, возраст солдат, раненые и не раненые, солдатское и командирское обмундирование — шинели, каски, пилотки, сапоги, фуражки, шлемы и ремни. Сам собой отпал порядок подчинения младших чинов старшим. Обнажились пороки и достоинства людей. Стали видны смелые и трусы, шкурники и гады ползучие, стойкие патриоты и подлецы, сильные и слабые. <...>

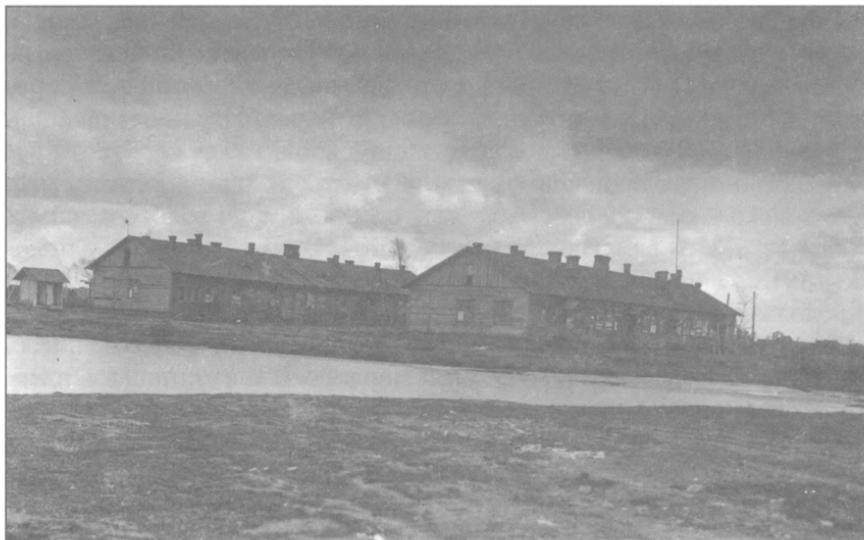
Как правило, и в Витебском, а затем и в Двинском лагере смерти наш суточный рацион питания составлял пол-литра мутной безвкусной, совершенно бескалорийной свиной похлебки, в которой плавало несколько крупинок какой-то ранее невиданной крупы. Отстояв очередь, получишь и тут же у раздачи выпьешь из котелка эти чуть теплые помои и не почувствуешь никакого, хотя бы временного, утешения голода. Как был, так и остался голодным до следующего дня и очередной раздачи. Голод был нашим постоянным спутником. Он, как тень, преследовал нас. А если человек изо дня в день голоден, он теряет силы, волю и наконец перестает что-нибудь понимать. Усло-

Пропускная будка в концлагере «5-й полк»

вия, в которых он оказался, кажутся ему еще более невыносимыми. Он постепенно умирает. В отдельные периоды немецко-фашистского плена наше питание менялось, и тогда мы впадали в еще большее отчаяние. Летом 1941 года в Витебском лагере смерти недели три-четыре нас кормили несоленым брандохлыстом, приготовленным из гречневой крупы, пропитанной керосином. А глубокой осенью, когда в лагере свирепствовал тиф, «угощали деликатесом» — похлебкой, сваренной из мяса эмбрионов от забитых коров. Причем зародышей закладывали в котел целиком — вместе с волосяным покровом и внутренностями. Этими и другими отходами, вызывающими тошноту и рвоту, гитлеровские захватчики кормили советских военнопленных, чтобы фашистская Германия, оккупировавшая, а затем ограбившая почти все государства Западной Европы и значительную часть территории Советского Союза, не обеднела и чтобы поиздеваться над советскими людьми. С целью издевательств и наживы немцы экономили на всем: на продуктах питания, на табаке, топливе, освещении, одежде, обуви, мыле и даже воде. Их скупость с особой силой проявилась в самой гитлеровской Германии. <...>

Где-то в конце октября или в начале ноября 1941 года по лагерю разползлись зловещие слухи, что под Вязьмой попали в окружение четыре армии, в их числе — 16-я, 19-я, 20-я, с которой была связана моя судьба, и 24-я. Тогда же в лагере смерти заговорили о том, что

Баракы в концлагере «5-й полк»

в этом районе военных действий множество солдат и командиров, в том числе и высшего состава, попали в немецко-фашистский плен. Зная силу врага, испытав ее на себе, мы все же в начале не верили этим слухам. Но слухи, дошедшие до нас, оказались правдивыми. То была горькая правда. Как бы в подтверждение их вскоре в лагерь смерти потекли не случайные одиночки и не малочисленные группы, а многотысячные колонны. Среди этой массы военнопленных оказались и те воины, которые дрались с врагом южнее Витебска, и те, которые без боя сдали город врагу. Молча, еле волоча ноги от усталости и голода, не глядя друг на друга, шли солдаты и командиры Красной Армии, которых безжалостный закон войны гнал за колючую проволоку познать позор и еще не познанные ужасы немецко-фашистского плена. Они еще не знали, что гонят их на смерть. Что одних она найдет очень скоро, других через год, два или три на чужбине. Некоторые воины шли босиком или в одних носках, а то и просто в портянках, привязанных к ногам брючными ремнями или веревками. Сапоги с них сняли немецкие солдаты-мародеры. В дальнейшем, видя мародерство немецких солдат, воины, имевшие добротную новую кожаную обувь, на которую могли позариться враги, портили ее, надрезали в подъеме кожу. Причем надрез, как правило, делали только на одном сапоге, чтобы сильно не портить обувь и чтобы она врагам не досталась. Солдат, попавших в плен, как будто подменили. Их

было не узнать. Совсем недавно подтянутые, бодрые, сытые, чистые, многие озорные и веселые, любившие шутки, песни и смех, теперь брели молча. Почти все они были грязными, прокопченными порохом, дымом костров и пожаров, обросшими, изможденными и сильно голодными. Глядя на солдат и командиров, казалось, что им все безразлично: что произошло с ними и что происходит вокруг них. Но это только казалось. На самом деле они понимали всю серьезность опасности, которая нависла над Родиной, серьезность своего положения и случившейся с ними страшной беды. Воины знали, что враги продолжают захватывать все новые и новые районы нашей советской земли, топчут ее, грабят, бесчинствуют на ней, устанавливают «новый порядок» с виселицами, плеткой и мордобоем и что, попав в плен, они пока бессильны оказать врагу сопротивление и помочь Родине. Каждый из них надеялся только на побег и на возможное чудо, которое могло бы принести им свободу, чтобы они могли вновь взяться за оружие и беспощадно, с удвоенной, с утроенной силой, ненавистью и злом бить врага. Многие воины были ранены. Свидетельством тому служили окровавленные повязки на их телах да костыли и палки, на которые они опирались. Те солдаты и командиры, которые не могли двигаться самостоятельно, шли, поддерживаемые под руки товарищами. Они, словно вывернутые бурей, но нашедшие опору деревья, продолжали бороться за жизнь наперекор судьбе. <...>

В те дни в Витебском лагере смерти нашего брата скопилось несколько тысяч. Командный состав и врачей — мужчин и женщин — немцы выделили в отдельную группу и вскоре угнали в другой лагерь. Попав за колючую проволоку в необычную стихию, солдаты рассыпались по лагерю, словно разбитое на мелкие кусочки монолитное стекло. Исключение составляли грузины, которые держались обособленно небольшой группой все вместе, да некоторые, понимающие силу коллектива русские. За какой-то месяц неволи и голода из организованных и дисциплинированных солдат, в отсутствие командиров, они превратились в разрозненных людей, не соблюдающих правил ношения формы одежды и не следящих за своим внешним видом.

Вся площадь, занятая под лагерь, была заполнена пленными до отказа. Шум голосов людей, их скученность напоминали большой базар по продаже подержанных вещей, какие были в наших городах сразу после войны, с той лишь разницей, что в лагере не шутили, не смеялись, да и продавать, по сути дела, было нечего. Земля в лагере выглядела совершенно голой и неприютной. Вся трава, которую

можно было съесть, была съедена и вытоптана тысячами человеческих ног. Полуживые, голодные, жалкие, словно тени, солдаты от вынужденного безделья двигались по лагерю в разных направлениях и вразброд. Одни разыскивали земляков или однополчан. Другие пытались, но безрезультатно, обменять случайно сохранившуюся безделушку на табак и кусок хлеба. Третьи двигались лишь для того, чтобы двигаться. Некоторые, психически надломленные солдаты-пленные, обессиленные, понимая безысходность, сидели в разных местах или лежали на земле и, ожидая конца, уставившись в одну точку, смотрели на белый свет бессмысленными, отрешенными взглядами.

Жизнь в лагере с каждым днем становилась все более невыносимой. Костлявая рука голода давила все сильнее и сильнее. От недоедания и болезней пленные все больше и больше слабели, опускались и вскоре изменились до неузнаваемости — так, словно над ними поработал высшего класса театральный гример. Совсем юные парни стали выглядеть стариками: обросли, волосы поседел, лица почернели, глаза потускнели. Их движения сделались замедленными, словно у мух глубокой осенью или ранней весной. Снизилась реакция. Чувства притупились. Наступила прострация. Все мы дошли до того, что перестали радоваться свету и солнцу, разучились понимать и сочувствовать друг другу, наполовину умерли. Нас угнетало наше положение голодных, никому не нужных людей и предчувствие смерти, которая, хватая то одного, то другого, то десятками одновременно, постоянно носилась над нами, которой мы перестали удивляться. Это предчувствие перешло в безразличие и к смерти окружающих, и ко всему, происходившему вокруг нас. Мы стали одинаково мрачны и подавлены. Потеряли веру в возможность выжить. В те наитруднейшие дни плена, изнемогая от голода и бессилия, почти каждый думал только о себе, и от этого было еще тоскливее и тяжелее. Такая обособленность, к счастью, временная, сделала нас еще более беспомощными, менее опасными для врага. Поставила каждого один на один с неизбежностью. Проблески просветления и радости наступали лишь тогда, когда распространялись хорошие слухи, дошедшие до нас с Родины. Ничто так не поднимало настроение и не радовало нас, как еда и эти слухи. Только в начале войны добрых вестей было очень мало, а еды и того меньше. <...>

Для солдат-узников Витебского лагеря смерти, доведенных до полного истощения и отчаяния невыносимыми условиями плена — голодом, болезнями, издевательствами и неотступной тоской по свободе и Родине, было бы лучше, чтобы дни, породившие то сла-

бую надежду, то отчаяние, держались как можно дольше теплыми. Но перемена времени года произошла неумолимо, вне наших желаний, хотели мы этого или нет. Наступила осень самого тяжелого для нас 1941 года с её холодными ветрами, затяжными пронизывающими дождями, впоследствии выпадавшими вперемешку с мокрым снегом, и с темными долгими ночами. Она застала в лагере смерти огромную массу полуживых, исстрадавшихся, опустившихся военнопленных одетыми в летнее обмундирование. Одни — более сильные и находчивые солдаты, в надежде укрыться от надвинувшейся стужи и ненастья, прямо посреди лагеря, словно дикие кролики, вырыли в земле норы-убежища. Другие — флегматичные, надломленные неволей, голодом и болезнями, располагались наверху, прямо на цементных площадках, служивших в свое время фундаментом для барачных, и просто на земле, и, сидя, лежа и стоя, мокли и гнили под открытым небом, и там же умирали. От зданий, в которых до войны жили люди, почти ничего не осталось, кроме крыш, поддерживаемых деревянной основой, и дымоходных труб. Все остальное было растащено горожанами, когда здесь еще не было лагеря смерти, или сожжено военнопленными в кострах. Лагерь выглядел отвратительно мерзким местом. Человеческая фантазия вряд ли смогла бы создать что-нибудь похожее на то, что творилось в нем. Из вырытой посреди лагеря, открытой обозрению и ветру канавы для нечистот, в которую, усевшись на жердь, как ласточки на провода, военнопленные справляли нужду, несло зловоньем. Из не засыпанной братской могилы несло резким трупным запахом. Следы своих преступлений гитлеровцы зарывать не спешили. Обсыпав трупы хлоркой, они ждали, когда яма заполнится до нужного уровня. Всюду лежала перемешанная ногами грязь и мусор. Притом грязь была на одежде, белье пленных и на их принадлежности — котелках внутри и снаружи. У военнопленных появились вши. Вскоре их расплодилось столько, что они стали ползать кучами даже по верхней одежде. Избавиться от них в тех условиях фашистской неволи без помощи извне не было никакой возможности. В лагере начался тиф. Следом за ним пожаловала смерть, которая беспощадно и без разбору косила обитателей лагеря. Кроме тифа, многие пленные страдали от дизентерии, желтухи и других болезней. От сочетания этих болезней, от холода, голода и жутких антисанитарных условий пленные стали умирать вначале единицами, а потом по несколько десятков ежедневно. Шансов выжить в то тяжелое, тревожное время не было ни у кого. Всем была уготована одна участь, один конец. <...> Здоровые больных не опасались. Спали рядами,

прижавшись вплотную друг к другу, поэтому вши беспрепятственно переползали от одного пленного к другому, заражая тифом почти всех поголовно.

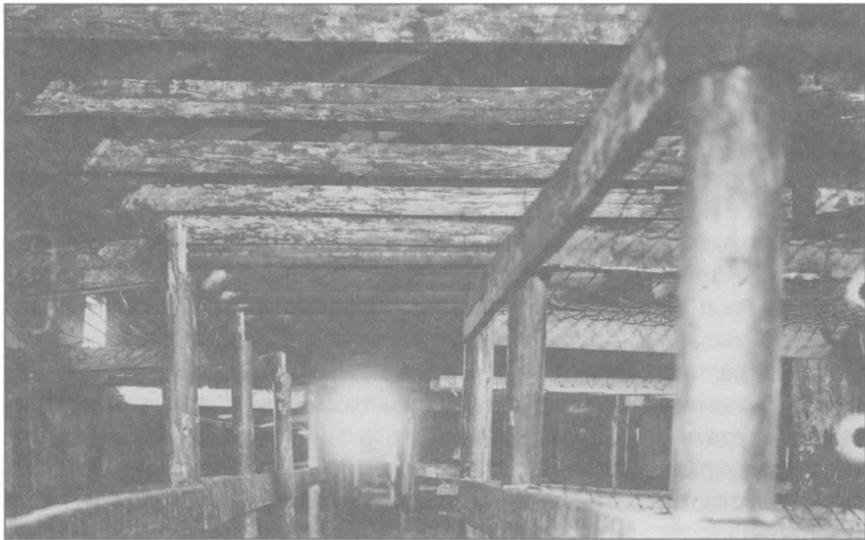
Разговоры между нами в те тяжелейшие для Родины и для нас дни, как правило, велись о том, как вырваться из этого ада, об обстановке на фронте да о том, кто какую вкусную пищу ел в мирное время, разжигая и без того звериный аппетит. Известия о боевых действиях до нас доходили сомнительные, тревожные, противоречивые, одно печальнее другого. Переходя от одного пленного к другому, обрастали небылицами. Каждый пересказывал их так, как ему хотелось, как срабатывала его фантазия. Что в тех случаях было правдой, никто не знал. Было ясно одно: Красная Армия, оказывая сопротивление врагу, отходит всё дальше и дальше в глубь страны и пока ничего не может сделать, чтобы остановить его и гнать вспять. Гитлеровские солдаты, охранявшие лагерь, с невозмутимым, чисто немецким самодовольством и бахвальством, с насмешкой и радостью кричали через проволоку:

— Рус большевик! Москва капут! Ленинград капут!

При этом от предчувствия победы улыбались и потирали себе руки. Мы допускали такую возможность, что немцы подошли к Москве, но что взяли ее — не верили. Солдаты Красной Армии, попавшие в плен на подступах к Москве и оказавшиеся в Витебском лагере смерти, опровергали болтовню немцев. Они уверяли, что Москвы им не видать, как своих ушей, потому что наше правительство приняло необходимые меры, чтобы защитить столицу и не отдать ее на разграбление врагу. В то непредсказуемое время войны, как нам было ни тяжело в неволе, мы всё же жили, думали, задавали себе, друг другу и обсуждали главный вопрос: что будет с нашим государством, народом и с его сынами, оказавшимися в немецко-фашистском плену, если немецкая армия и дальше поведет наступление? <...>

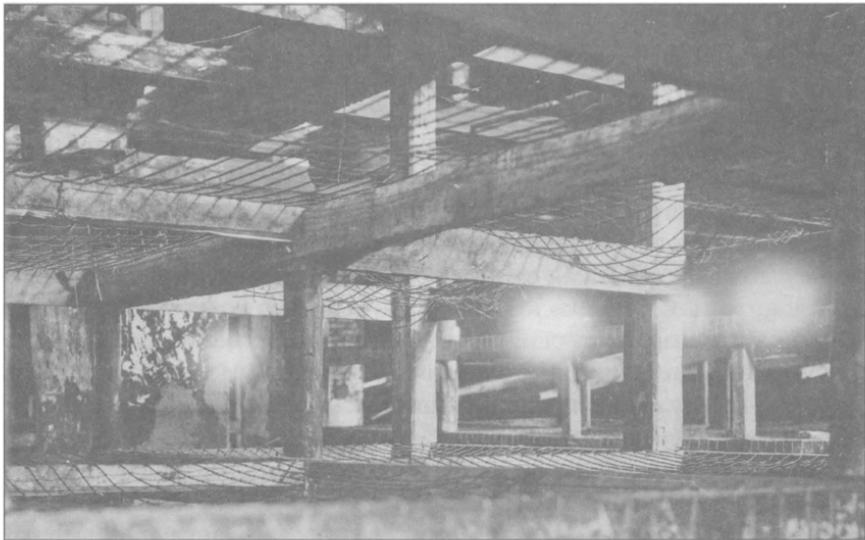
В те дни несколько групп, в одну из которых чудом угодил и я, немцы гоняли на работу в город Витебск. То была кратковременная работа, после которой наступил почти полугодовой период полного безделья. Лагерь закрыли на карантин. Для того, чтобы оказаться в числе тех работяг, приходилось рисковать жизнью. Каждый из нас мог закончить жизнь раньше, чем она должна была закончиться от голода, болезней и жутких нечеловеческих условий немецко-фашистского плена.

Представьте себе такую картину. Лагерь смерти, огороженный двумя рядами колючей проволоки, подвешенной на роликах к столбам, чтобы при необходимости по ней можно было пропустить электри-

Внутренний вид барачков в концлагере «5-й полк»

ческий ток. Между рядами такая же проволока, скрученная спиралеобразно, лежащая на земле. Вокруг лагеря усиленная охрана. Внутри тысячи голодных, опустившихся военнопленных, думающих только о свободе и еде. <...> Так вот. Стоило рано утром немецким солдатам появиться около ворот лагеря, как тут же внутри его всё приходило в движение. Военнопленные понимали: оказавшись в городе, они получат возможность раздобыть хоть какую-нибудь еду, а если подвернется случай, то бежать. Таких военнопленных, которые не хотели бы пойти на работу, в лагере не было. Исключение составляли больные и раненые, которые не могли работать, которым было не до труда. Увидев немецких солдат, вся масса голодных, грязных и обессиленных военнопленных, покинув свои норы-убежища, повинувшись слепому инстинкту животных, словно напуганный табун лошадей, бежала, толкаясь, спотыкаясь, падая, стараясь обогнать друг друга, к внутренним лагерным воротам, не думая, что бежит навстречу смерти. Голод, оттолкнувший от солдат чуткость, выдержку и благоразумие, как неуправляемая сила, гнал вперед. Каждому хотелось добежать до ворот первым и попасть в число «счастливицков». Оказавшись у цели, пленные тысячами тел давили на однорядное внутреннее ограждение. Проволочный забор качался. Ворота трещали и, не выдержав напора людской массы, увлекали за собой людей, падали на землю. Толпа, словно рой пчел, покинувший улей и облепивший матку, усевшуюся

Внутренний вид барак в концлагере «5-й полк»

на ветки дерева, гудела, шевелилась, росла и разбухала.

Немцы кричали: «Halt! Zurück! Zurück!» (Стой! Назад! Назад!)

При этом обзывали нас грязными свиньями, чертями, азиатами — всем, что только приходило им в голову, и со злостью наносили удары впереди стоящим военнопленным. Выскочивших за ворота доходяг, стремившихся во что бы то ни стало попасть на работу, немцы тут же хватили и (по приказу начальника лагеря, стоявшего пугалом на возвышении, упивавшегося собственным величием и властью, данной ему фюрером), тащили в сторону, бросали на землю и пороли плётками, как скотину. Пороли до тех пор, пока тело жертвы не покрывалось сплошными вздувшимися, синими кровоточащими рубцами. Военнопленные, наказанные безвинно, боль переносили терпеливо. Ни один не просил у врага пощады. Несмотря на эти меры, отобрать нужное количество рабов и навести «орднунг» (порядок) солдаты были бессильны. Видя это, немецкий унтер-офицер, сопровождавший и охранявший начальника лагеря, вконец разозлившись (так, что кожа на его фашистской физиономии делалась багровой, а вытаращенные глаза дикими и страшными, горящими безумным огнём), брызгая слюной, извергая проклятия и угрозы, принимался кричать и громко ругаться. Но поняв, что это не помогает, пускал в дело пистолет. Выхватив из кобуры оружие, он, не целясь, стрелял по напавшим военнопленным. При этом стрелял в кого попало, без раз-

бору. Впереди стоящие пленные, не имевшие возможности ответить тем же, с ужасом в глазах пятились назад. Некоторые, сраженные выстрелами, обливаясь кровью, падали на землю к ногам товарищей или, зажав руками раны, корчились от боли и жалобно стонали. Те, кто находился позади, словно обезумевшие, продолжали напирать на передних. В суматохе им было не видно из-за спин товарищей и не слышно из-за шума и гама, воплей и проклятий, что делалось впереди у ворот. Когда наконец прекращался дикий шум, давка утихала, а затем смолкала немецкая ругань и восстанавливался относительный порядок, то на земле около распластанных ворот оставались лежать убитые и раненые, которым работа была больше не нужна. <...> Да. Такое не забудется никогда! Век бы его не видеть! Из всех этих «сюрпризов», которые нам преподносили гитлеровские захватчики, этот был одним из памятейших.

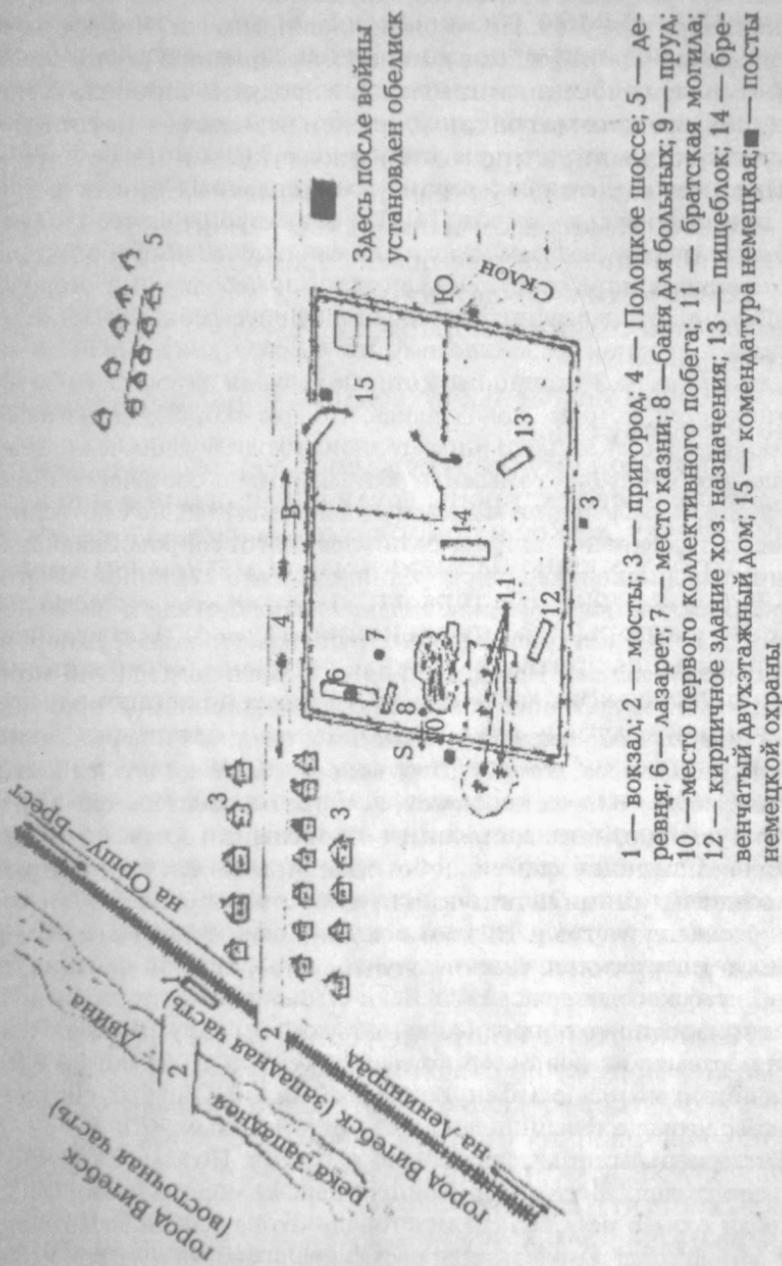
Группа военнопленных из пятнадцати человек, в число которой чудом удалось попасть мне, выполняла на полуразрушенном вокзале города Витебска разные работы, такие, как заготовка дров, уборка мусора и грязи в подсобных помещениях и у здания вокзала и земляные работы. Приходилось делать то, что не хотелось, к чему не лежала душа. Работать заставлял голод. Немецкие солдаты-охранники, не спуская с нас глаз, всюду, как тени, следовали за нами. За наш труд немцы, как правило, ничего не платили. Иногда раздобрев, угощали обедками с солдатской кухни или давали хлеб, которым по возвращении в лагерь смерти мы делились с товарищами. Работая в непосредственной близости с железной дорогой, нам, военнопленным, не раз приходилось видеть прибытие немецких санитарных поездов с восточного фронта, которые следовали в Германию. За приспущенными окнами и открытыми настежь дверями переполненных ранеными пассажирских вагонов, помеченных сверху и с боков огромными красными крестами, сновали санитары, сёстры милосердия и врачи. Тяжело раненные немецкие солдаты выли от боли, рычали по-звериному, ругались и стонали. Так они расплачивались за авантюризм и безумие Гитлера, за мечту получить жизненное пространство. Мертвых завоевателей стаскивали с поезда. Они больше были не нужны ни фюреру, ни Великой Германии. Было ясно, что для немецких оккупантов, с триумфом прошедших по Европе, пора лёгких побед кончилась. Где-то, вероятно, на подступах к Москве или у стен Ленинграда на славу работала советская артиллерия, наносившая столь ощутимый урон врагу. Для советских парней, попавших в плен, это был ободряющий, наглядный и неопровержимый факт успеха

Красной Армии. Для немецких оккупантов — отрезвляющий факт, факт потерь и неудач. Но то были лишь цветочки. Ягодки их ждали впереди! Через Витебск в фашистскую Германию немцы везли не только раненых. Везли награбленные продукты питания, горючее, лес, скот, машины, металлолом, зерно и чернозем — почти все, что можно было увезти, что попадало им под руки. <...>

Полоцкое шоссе, по которому военнопленных гоняли на работу, тянулось через пригород [14]. По обе стороны шоссе стояли рубленые, крытые железом и дранкой, занятые людьми и опустевшие одноэтажные дома, окруженные садами и небольшими огородами, огороженными деревянными заборами. Приусадебные участки успели зарости сорной травой, потому что ухаживать за ними было никому, да и незачем. Те женщины, которые не ушли на восток из-за малолетних детей, которые понадеялись, что враг скоро будет изгнан с их земли, при виде военнопленных толпой выходили к шоссе с надеждой увидеть среди нас знакомых или родных, помочь соотечественникам. Проходя мимо женщин, мы не спускали с них глаз, но смотрели, как на сестёр, сочувствующим нам. Они прятали от сопровождающих колонну охранников, кто под передником, а кто за спиной, свертки с едой. Безжалостные немецкие солдаты не подпускали к нам женщин. Они с озлоблением кричали на них, ругались, угрожая оружием, и отгоняли прикладами. Несмотря на это, выбрав подходящий момент, когда немцы поворачивались к ним спинами, женщины, проявив настойчивость и смелость, подсакивали к пленным и передавали еду: кому краюху хлеба, кому бутылку молока. Понимая чутким женским сердцем беду соотечественников, которая познавалась через их собственную, видя наше состояние, они проявляли жалость, сострадание и великодушие, помогали братьям, отрывая последнее от себя и своих детей. Этими передачами они спасли от голодной смерти не одну солдатскую душу. Низкий поклон и солдатское «спасибо» русским и белорусским женщинам за их добрые дела от бывших узников Витебского лагеря смерти! Если бы меня, солдата, пережившего фашистский плен, попросили назвать хотя бы одну фамилию живых или мертвых узников Витебского лагеря смерти, я не мог бы сделать это, потому что у нас в плену не было фамилий. Они были никому не нужны: ни захватчикам, ни самим военнопленным. <...>

Гитлеровцы все также издевались над нами. Но ко всему этому добавился холод. Выпал снег. Пришли первые морозы, которые додеывали то, что не успел сделать голод, что не успели сделать враги. Немецкие солдаты-охранники расхаживали снаружи лагеря у прово-

Примерный план расположения Витебского лагеря смерти, 1941 года

План концлагеря, составленный А. Аксеновым

локи вдоль ограждения, поддев под зеленые шинели награбленную в России гражданскую одежду. Их головы поверх пилоток обматывались шарфами или женскими теплыми платками. На кожаные сапоги натягивались изготовленные из травы или соломы огромных размеров боты. В таком, достойном кисти художника-карикуриста наряде они выглядели смешно, как огородные пугала. Но полуживым, заморённым голодом, одетым по-летнему советским военнопленным было не до смеха. Наше изношенное летнее обмундирование — пилотки, шинели не грели исхудалые, иссохшие тела, и мы не представляли, как переживем зиму.

Кажется, в конце декабря 1941 года или в начале января 1942 года, когда в Витебске и его окрестностях стал уловим голос войны, голос приближающегося фронта, голос наступавших частей Красной Армии, которые гнали врага из-под Москвы, в лагерь прибыло десятка два вооруженных гитлеровских солдат. Объявили построение. Тех пленных, которые еще могли передвигаться самостоятельно, построили в колонну, пересчитали несколько раз и, подгоняя окриками, словно скотину, погнали в сторону города Витебска. Некоторые пленные пытались узнать у немцев, куда нас гонят. Почему такая спешка? Но немцы молчали. Признаться, что их бьют русские, что немецкая непобедимая армия пятится назад, что фронт может докатиться до города Витебска, — это было не в силах, стыдно было. А может, они еще не верили случившемуся? А гнали нас тогда к поезду, чтобы увезти в другой лагерь. И мы только через трое суток, когда вагоны прибыли на место назначения, смогли узнать, что привезли нас в Латвию, в город Двинск (ныне — Даугавпилс), в котором нам пришлось снова встретиться с колючей проволокой, голодом, холодом и смертью.

Алексей Аксенов
(Цена ошибок. — С.-Петербург, 2006. — С. 66, 84-88, 93-96,
125-129, 136-137, 141-142, 164-168, 171, 286.

* * *

В 1943 году стало слышно приближение фронта. Немцы начали «выселять» Городок, Лиозно, Шумилино. Нас погнали из Зароново через Борщевку, Хотиничи и Зайцево в «5-й полк». За колючую проволоку. До этого там находилось около 74 тысяч военнопленных. Кстати, когда в 1941 году мы приходили в Витебск за горелой солью и горелой патокой, нам сказали, что в «5-м полку» можно найти своих. Думали, там с нашей деревни кто-то есть. Тогда охрана была не очень. Сильная жара. Без воды и еды военнопленные смотрели на всех из-за

колючей проволоки как потенциальных спасителей. Им советовали разбежаться, но немцы внушали, что скоро всех отпустят. К сожалению, не нашлось в то время в этом «5-м полку» организатора, чтобы поднять какое-то восстание и разбежаться. Там десятки тысяч были, если бы разбежались, пусть бы тысяча или две погибли, а остальные убежали бы. Они этого не сделали, а потом уже появилась проволока в два ряда. А когда мы сидели, то она уже была в три ряда.

Полгода кормили примерно так: буханка хлеба на десять человек (если это можно назвать хлебом) и кружка баланды. Больше ничего. Я, Миша Кузьмин и Толя Беланович (они уже в раю) подошли к немецкому охраннику, который был пожилым человеком, и попросили пустить за колючую проволоку. Рядом с лагерем. На 2-й Загородной еще стояли частные дома. Он отпустил. Раза два мы лазили по погребам, находили там картошку, бураки. Приносили в лагерь и на костре варили.

Ежедневно было два или три раза построение. Эсэсовцы шли вдоль строя и кого-нибудь выбирали. Военнопленных, когда мы там находились, уже не было. Их почти полностью уничтожили. Мертвых выбрасывали за проволоку, в ямы-могильники. <...>

Когда нас выгоняли из «5-го полка», немцы вспахивали ямы, чтобы было незаметно. Некоторые говорят, что не было баракон. Были там бараки. Многие без окон, дверей, не отапливались, нары в три ряда. Умирала люди по 10-20 человек каждые сутки. Трупы выносили и бросали в овраг. Мы на нары не лезли, сидели на куче мусора. Потом нас перевели в другой барак. Он назывался заразным. В начале апреля пригнали колонну крытых машин, погрузили. В каждую, наверное, человек по сто. Сколько можно, столько и набивали. У кого был какой мешок, то его отбирали и бросали в сторону. Вывезли за Бешенковичи, но никого не убивали, а просто, как мусор, выкинули. <...>

Говорят, что списков узников нет. Но я, как сейчас, помню, что когда нас пригнали в «5-й полк», то каждого заводили в какую-то комнату и все записывали. Немцы — шепетильный народ. Думаю, что и военнопленных они тоже всех фиксировали. Когда в 1948 году я приехал учиться в 8 класс, то брат жил на 2-й Загородной. Он был прорабом в воинской части и ломал эти бараки. Тонны бумаг ветер гонял, но никому в голову не пришло собрать их и прочитать. <...> И в память о тех жертвах в 1964 году был установлен обелиск, в перспективе создание мемориала. Обелиск стоит в стороне от мест захоронения. Хоронили дальше. Когда едете по улице Титова, не доезжая «5-го

полка», стоит магазин. На костях. Кошунство творится и сегодня, построили там гаражи и дома.

Иван Беляков
(Дети войны. — <Вм.>, 2009. — С. 11-13)

* * *

В «5-м полку» были в основном военнопленные. Их очень часто расстреливали. Это было на месте, где сейчас стоит памятник, проходит дорога. А еще там сейчас маршрут автобуса №7. Раньше это была восточная сторона «5-го полка». Рядом — тоже могилы. Сюда привозили и расстреливали евреев. Некоторых даже закапывали живьем. Деревенские носили военнопленным еду.

Как нас забрала в «5-й полк», я забыла. Пробыли там очень мало, сразу отправили в Германию.

Таисия Жевлакова
(Дети войны. — <Вм.>, 2009. — С. 35)

* * *

Мама рассказывала, что утром пошла в туалет, а там стоит мужчина. Оказалось, беглый военнопленный. Мама привела его в дом. Передела. Он убежал из «5-го полка». Они с товарищем где-то под колючей проволокой сделали подкоп и ночью убежали. Попали сюда, в Бителево. Он рассказывал, какие там были мучения. Мама его спрятала и спасла, когда немцы приходили искать. Он решил здесь остаться и стал с мамой жить. Хотя сразу же предупредил, что в России у него есть семья. Мама все время носила в «5-й полк» еду и воду. Рассказывала, что таким же образом они спасли еще много военнопленных. Приводили в поселок, передевали, прятали.

Валентина Жевнина
(Дети войны. — <Вм.>, 2009. — С. 35)

* * *

Нас забрали немцы где-то в конце апреля 1944 года <...> и отвезли в «5-й полк». Там мы побыли совсем немного. Где-то с месяц, наверное, потому что заболели тифом. Все держались вместе: мать, брат, я, естественно, моя двоюродная сестра, родная сестра моей мамы и ее сын Иван. Помню, как нас там кормили. <...> Наш барак был последним, а рядом стояло какое-то высокое деревянное здание. <...> Там давали еду. У нас была полулитровая железная банка. Немец линул туда немножко какой-то бурды. А я не отхожу, думал, добавит еще.

Тогда он половником мне «бац» по лбу. Хлеба давали со спичечный коробок. Не знаю, из чего его делали. Возможно, из опилок. Возможно, из ячменной муки.

Там был колодец, но подойти к нему было нельзя. Дело в том, что туалета не было, поэтому кто где мог, там и оправлялся. Воду привозили грязную. Наверное, брали ее в обычной сажалке. Мы попили этой воды и заболели тифом.

Для тифозных была сделана палатка, метров тридцать длиной. В ней в два ряда стояли койки. Немцы нас даже лечили. Скорее всего, им нужна была рабочая сила, а может, для разных опытов, или еще что. Ночью лягу спать. Температура большая. Все снились пожары. Потом нас вывезли на 5-ю Линию, что на Песковатике.

Александр Загрещенко
(*Дети войны.* — <Вст.>, 2009. — С. 37)

* * *

До войны я работал завучем в Ольговской неполной средней школе Витебского района. В школе обучалось 400 детей ольговских колхозников и рабочих совхоза «Подберезье». В 1939 году Совет Народных Комиссаров БССР присвоил мне звание заслуженного учителя школы. Советское правительство наградило меня медалью «За трудовую доблесть». К маю 1941 года исполнилось 25 лет моей работы педагогом.

10 июля 1941 года в Ольгово ворвались немцы. Прежде всего фашистские варвары забрались в школу, ломали шкафы и школьную мебель. Большое количество книг школьной библиотеки тупорылые немецкие ефрейторы покидали в колодец, что был во дворе школы. Вскоре школу фашисты превратили в казарму. Я проживал в деревне Разуваевке, что в одном километре от школы. <...> 7 марта, чуть рассвело, жандармы окружили деревню, выгнали все население на улицу, погрузили на автомашины и отвезли в концентрационный лагерь, который размещался в бывшем 5-м железнодорожном полку в Витебске. Здесь нас кинули за проволочную ограду в холодные, грязные и темные бараки. В 8 таких бараках находилось до 8 тысяч мирных жителей — стариков, женщин, детей. Утром отобрали всех трудоспособных, разлучили матерей с детьми, жен с мужьями. Непрерывный плач и стоны. Я видел, как мать, женщина лет 50, кинулась вслед за своими детьми, которых угнали немцы. Конвоир бил ее прикладом и палкой по плечам до того времени, пока она не упала.

В лагере фашисты били нас за все: за то, что жена плакала по мужу,

мать — по детям. Мы голодали. В день нам давали пол-литра смердящей баланды из тухлой яичной муки. Люди умирали десятками ежедневно.

25 мая утром под конвоем жандармов нас погнали на станцию Вицебск, погрузили по 60-70 человек в вагоны и заперли двери. Мы задыхались. Люди умирали. На моих глазах умер ольговский колхозник Сергей Равков.

Нас повезли поездом. В нескольких километрах от Богушевска поезд остановился. Нам приказали выходить и идти пешком в направлении леса.

*С. Дорожкин
(«Вицебскі рабочы», 15 чэрвеня 1944 г.)*

* * *

6 марта 1943 года нас и соседей посадили в машину и увезли в «5-й полк». Там было двухрядное ограждение из колючей проволоки. На проволоке висели консервные банки. Немцы с собаками охраняли ворота. Выгнали из машины — и в барак. Мама посадила нас на какие-то саночки. Во второй половине дня уже пересчитали. Запомнилась женщина с малым ребенком на руках. Немцы забрали его, отдали какой-то старухе в руки и пихали назад. А молодую мать грузили в машину и везли копать окопы. Грязь хлюпала под ногами, люди кричали, плакали, просили хлеба. Я думала, что попала в сумасшедший дом. Когда стемнело, фашисты нас снова загнали в машину и повезли на вокзал.

*Анна Кагукина
(Дети войны. — <Вст.>, 2009. — С. 40)*

* * *

Случилось это до того, как мы попали в «5-й полк». <...> Очень часто туда гнали военнопленных. Мы им раскладывали по откосам свеклу и морковь. У кого что было. Один раз я замешкалась и не успела все разложить. Немец увидел это и давай по мне строчить из автомата. А там ямка какая-то была. В нее и упала. Пули просвистели над головой.

Взрослые всегда готовили побольше еды (у кого что было) и нам поручали нести к «5-му полку». Их не пускали, а детей не трогали. Запомнился какой-то белокурый мужчина с голубыми глазами. Очень был приятный человек. По сегодняшний день перед глазами стоит. Всегда приносила ему еду. Расстреливали их всегда к вечеру, а хо-

ронили там, где сейчас стоит овощной магазин и церквушка рядом. Дальше — здание в несколько этажей. Оно стоит на человеческих костях. Мама один раз взяла меня с собой, и мы видели, что земля ходит ходуном. Больше она никогда меня не брала с собой.

Знаю, что несколько человек даже спасли. Мама рассказывала, что она с кем-то пришла и видит: в земле рука шевелится. Солдата вытащили, переодели.

В «5-м полку» было четыре больших барака. Каждый разделен пополам. <...> Получилось восемь. Вход был с двух сторон. Масса народу. Родителей выгоняли на работу. Что они делали, не знаю. Но когда возвращались в барак, были выжатыми, как сок с лимона. Ели картошку, свеклу, репу. Кормили два раза в день. Тем, кто жил рядом, некоторые соседи приносили кое-что поесть. А так еда была никудашняя. Холод страшный. Кругом колючая проволока. Стояли вышки, на них немцы с автоматами. Не хватало воды. Хорошо, что там ниже был обнесенный колючей проволокой родник. Можно было хоть водички набрать. Страшно вспоминать.

Феклитуна Карпова
(*Дети войны. — <Вм.>, 2009. — С. 43-44*)

* * *

Я из деревни Острейково Суражского района. В прошлую осень (т. е. 1943 г. — сост.), отступая под ударами Красной Армии, немцы выгнали все население нашей деревни из родных домов и загнали в Витебск, в концентрационный лагерь. Мы с мужем и детьми убежали из этого лагеря и разместились в пустом холодном доме около Смоленского рынка. Через два месяца двое моих детей и я заболели сыпным тифом. Нас положили в заразный барак инфекционной больницы. Через четыре дня мужа, сына Мишу и дочерей Клаву и 8-летнюю Любу немцы угнали неизвестно куда. <...> Утром 28 мая, когда больные еще только просыпались, немецкие жандармы оцепили больницу. На улице стояли подогнанные грузовые автомашины. В наш барак вскочили 6 жандармов и приказали больным выходить на посадку. Многие больные не могли встать с кровати. Не мог подняться с постели и больной мой сын Коля. Всех подталкивали. Я попыталась взять с собой сумку с сухарями — дети же у меня больные, для них. Только взялась за сумку, немец бамбуковой палкой ударил меня по рукам, потом по голове. Я в беспмятстве упала. Когда очнулась и поднялась, увидела на машине мою дочурку. Я направилась к ней. Немец натравил на меня большую желтую собаку, которая кинулась

и начала рвать на мне кожу. Потом меня также кинули в машину и повезли. Так мы оказались в лагере, огороженном колючей проволокой, на сырой земле. В ночь с 2 на 3 июня мы почувствовали сильную стрельбу. Утром воины родной Красной Армии освободили нас из лагеря смерти.

*Марфа Губернаторова
(«Вицебскі рабочы», 10 чэрвеня 1944 г.)*

* * *

Мы с мамой носили нашим военнопленным какую-то еду, а немцы грозили оружием и не подпускали близко. Но мы все равно умудрялись что-то передать. Содержали их очень плохо. Мне запомнилась одна лужа: вся трава вокруг поедена, прямо из нее солдаты пили грязную воду. За сережки и золотые кольца женщины, привезенные в лагерь из Бителево, иногда их выменивали, брали к себе и таким образом спасали жизни. <...> У некоторых брали кровь, но нас Бог миловал. Моя мама в районе «5-го полка» ходила через поле и видела, как детей, женщин и стариков ставили у края ямы и расстреливали. Говорила: «Волосы дыбом становятся от этого ужаса». И так каждый день. Я помню, как с «5-го полка» зимой замерзших, как кочерыжки, военнопленных грузили на санки, везли в ров и закапывали. Мы рядом жили. Очень хорошо было видно и слышно, как каждый день кого-то расстреливают. Однажды советский самолет сбросил бомбы и сделал штук семь воронок. Немцы все заполнили трупами. Теперь там построены гаражи.

Ближе к весне 1944 года всех бителевцев стали собирать в кучу. Было слышно, как голосили люди и орала полицаи. Кого-то избивали до крови. Затем большой обоз погнали в «5-й полк». Подробностей помню мало, только нары. Бывших солдат содержали отдельно от гражданских, и условия у них были гораздо хуже.

*Родион Ковалев
(Дети войны. — <Вм.>, 2009. — С. 45-46)*

* * *

Этот лагерь, как сейчас говорят, пересыльный. Там было много наших пленных солдат. Их и убивали, и с голода они умирали. Сразу охранило не СД, а солдаты вермахта. Немцы очень любили кур и яйца, и местные женщины за них выкупали пленных. Многих так спасли. А потом, когда пленных не стало, присылать в лагерь начали подпольщиков, партизанские семьи из Витебска и области. Потом их увозили

в Германию, в концлагеря.

В «5-м полку» был пруд с карасями, и один полицай их ловил. Как-то корзину с ними он оставил на ночь. Мы с двоюродным братом Лейней тайком набрали полтора ведра. Утром все выяснилось. Чуть не расстреляли. Но женщины начали громко голосить, и мы отделались только плетками.

Геннадий Кочергин
(*Дети войны.* — <Вт.>, 2009. — С. 52)

* * *

В марте 1944 года нашу семью, как и всех жителей поселка Бителево, немцы отправили в концлагерь «5-й полк». Там было семь барачков. Каждый отдельно огорожен колючей проволокой, а между ними ходили часовые с собаками.

В бараках были нары в три яруса. Кормили очень горькой, жидкой баландой раз в день. Многие заболели дизентерией. Не знаю, по какой причине, но нашу маму отделили и поселили во второй барак. Она видела нас, плачущих, но перейти было нельзя. Однажды она сняла с пальца золотое кольцо и отдала немцу, который нас охранял. И он разрешил перейти к нам. Это была огромная радость, такого не забыть!

А через три месяца много тысяч узников на закрытых машинах отвозили на вокзал и погрузили в товарные вагоны.

Ирина Кравченко (Васильева)
(*Дети войны.* — <Вт.>, 2009. — С. 54)

* * *

В 1941 году мне было 7 лет. Во время облавы в Витебске, куда добрал после гибели родных, я попал в лагерь, который все называли «5-й полк». Там был отдельный загон и барак, где находились только дети. В этот загон, обнесенный колючей проволокой, загнали меня и других детей, пойманных во время облавы. Через несколько дней у большой группы детей, примерно человек тридцать, взяли кровь. После забора крови я ослабел, в глазах прыгали «мухи», кружилась голова. Я и до лагеря голодал, а в лагере совсем худо стало. Кормили черной баландой два раза в день и раз давали кусочек эрзац-хлеба. Он был такой маленький, что весь помещался во рту, и его хватало на один-два глотка. Через неделю у меня еще раз взяли кровь. Всех детей клеймили клеймом с цифрами, которые передвигались на круглом барабане, как почтовый штампель, при этом это «приспособление»

накачивали докрасна и прикладывали к руке – так номер выжигался.

Мне и еще нескольким детям удалось увернуться от этой «процедуры». Старшие мальчишки сделали подкоп под колючую проволоку, и через три месяца пребывания в лагере мне удалось бежать вместе с другими детьми. Сбежало нас человек 70. А в бараке и загоне было примерно двести детей, а может быть, и больше.

Александр Крупко
(*Дети войны.* — <Вм.>, 2009. — С. 61)

* * *

Территория «5-го полка» начиналась там, где сейчас кольцо трамвая, а где гаражи стоят, были захоронения. И где овраг проходит, тоже были захоронения. Я сам не помню, а вот мать-покойница говорила, что когда там были только военнопленные, то их вообще не кормили. Люди сильно отошали. Полуживых бросали в ямы и немножко присыпали грунтом. Потом сутки, а то и двое, земля ходила ходуном. Затем туда стали помещать и гражданское население. Привозили целыми поселками. В том месте еще были большие котлованы. Немцы наполняли их трупами.

Иван Лобанов
(*Дети войны.* — <Вм.>, 2009. — С. 72)

* * *

В 1943 году, весной, уже было тепло, нас забрали в «5-й полк». Там мы пробыли где-то месяца три, почти до осени. Видно, фронт отодвинулся в сторону, и нас вывезли из барачков на улицу, которая раньше называлась Гончарной. <...> Там были заразные бараки и рядом пустой дом, в нем и поселили. А через несколько месяцев вновь забрали в «5-й полк».

Работать возили на железную дорогу, там были вышки. Взрослые и подростки расчищали территорию. Из разговоров немцев стало понятно: там делают что-то типа запасного аэродрома. Основной был в Витебске (сейчас улица Чкалова) [15], и все об этом знали. Утром увозили из лагеря, а в середине дня давали какой-то обед. Одно название, ибо ту баланду супом и назвать нельзя было.

Время от времени в лагере делали «отбор» и некоторых увозили в Германию. Я был самым маленьким, становился во второй ряд, поднимая на цыпочки, и при отборе немец, глядя на меня, говорил, что «киндер арбайтен гут».

В лагере, бывало, дети пролезали под колючей проволокой. Охрана

там была не самой строгой. Будочка и охранник-немец. Мы подбирались с тыльной стороны и направлялись в деревню. Да и на окраине города были частные дома, где мы находили то бурак, то картошку, то еще что.

Был такой случай. Мы увидели, как немец рубил лошадам хлеб. Подползли ближе и стали просить хлеба. Он осмотрелся и, не увидев никого из своих офицеров, бросил нам кусок. Но далеко не все были такими человечными. Мой старший брат едва не погиб. Он сделал рогатку и стрелял камнями. Один попал на крышу охранника. Как потом выяснилось, финна по национальности. Он запомнил брата по бугорку на щеке. И когда сменился, со своим карабином пришел в наш барак, так как видел, куда он убежал. Стал обыскивать, но никого не нашел. Нары были двухъярусными, и брат залез под нижние. Охранник тыкал своим штыком, думал, брат закричит. А он потом говорил, что штык мало не достал до него. На следующий день утром финн пришел снова. Но уже без карабина. Стал допытываться, где брат спрятался. К груди или виску приставлял пистолет. Все сильно испугались, но никто не признался. Потом положили брата на верхние нары и, словно тифозного, закутали в тряпки. А тифа немцы боялись очень сильно. Несколько дней финн продолжал поиски. Позже один солдат (из болгар, наверное) рассказывал, что того финна перевели в другое место службы.

Помню, ни котелков, ничего другого у нас не было. Просто литровая баночка с приделанной из веревочки ручкой. Это одновременно была и миска, и чашка. Обед привозили на лошадке. Раздавала его какая-то женщина. Все становилось в очередь. Подходишь, черпак ляпнула, и в сторону. Там была одна вода. Конечно, многие умирали от болезней, многих куда-то увозили. Судьбе было угодно оставить меня в живых.

Когда нас привезли в «5-й полк», военнопленных там уже не было. До весны 1943 года немцы их всех поубивали или вывезли в другие лагеря. Их место заняло мирное население.

Запомнилась лагерная лошадка. Она была такая худая, что даже доброго слова не стоила. Ее пристрелили, и немцы разрешили, чтобы мы ее разделали. Кости, обтянутые шкурой получились, но нам не досталось и это.

Иван Медведев
(Дети войны. — <Вм.>, 2009. — С. 75-76)

* * *

Когда зимой 1943-1944 годов Красная Армия уже была неподалеку от Витебска, фашисты бросили в концлагерь «5-й полк» почти всех оставшихся в городе витеблян. Было это в начале января 1944 года. Содержались узники в полуразрушенных неотапливавшихся бараках. Чтобы немного согреться, мы прижимались друг к другу. Матери, как могли, своими телами согревали детей. Спали узники на трехъярусных нарах из металлической сетки. Черпак жидкой баланды не утолял голод. О качестве ее говорить не приходится, собаки и то едва ли стали бы есть. Питьевую воду брали из сажалки (на этом месте сейчас стоит часовня). В ней немцы купали коней. Очень многие погибали от холода, голода, болезней и издевательств. Каждый день выносили по 20-30 человек умерших и хоронили в овраге. Осталось в памяти: замерзшие трупы и лоток на санках, чтоб спускать их с горы. Из барака я выходить боялся. Лишь выбирал солнечную сторону: сяду там на корточки и греюсь.

В «5-м полку» я вместе с матерью и двумя сестрами пробыл до конца мая. Потом всех узников погрузили в машины и повезли на железнодорожную станцию.

Владимир Ризо

* * *

В «5-м полку» я побывал дважды. Первый раз почти сразу же после его открытия. Как-то зимой на нашу улицу неожиданно понаехало много немецких машин. Выгнали всех из домов и отвезли в лагерь. Мать забрала меня с собой. (Отца не трогали потому, что он у них работал.) Поместили на «второй этаж» деревянных нар. Есть хотелось постоянно. На территории лагеря было замерзшее озеро. Сделали из веревок крючки и попытались ловить какую-нибудь рыбу, но, оказалось, ее выловили другие.

Помню, проболтался на этом озере довольно долго и промочил ноги. Сушить негде. Костер разводили только посреди барака, но жечь там было нечего. Свои ж нары не будешь ломать! Попытался на улице найти какие-то дрова. Смотрю, два немца едят белый хлеб. Он у них очень вкусным был. Стал у них просить кусочек. А немец взял винтовку и штыком ударил меня в грудь. Шрам остался по сегодняшний день. Спасибо то, что на мне было пять рубашек, два свитера и пальто. Проколот грудную клетку, а вот до сердца не достал. В барак прибежал весь в крови. А кому жаловаться? Мы там были как те комары: хлоп — и нет. Каким-то образом мама передала это дяде Феде, который работал на местном молокозаводе. Он приехал и рассказал,

что его родственника за то, что попросил хлеба, чуть не закололи, и обменял нас на еду.

Вернулись домой. Прожили лето, и снова — «5-й полк». А в середине мая 1944 года нас перевезли в лагерь, расположенный под Крынками.

Макар Рубин
(*Дети войны.* — <Вт.>, 2009. — С. 101)

* * *

Нашу деревню заняли немцы, назначили старосту, а потом всех «эвакуировали» в «5-й полк». Пробыли там меньше года. Запомнилось, как голодные нырнем под проволоку и бежим в Мишково или Бителево просить какой-нибудь еды. Кто-то даст хлеба, крупу или котлету из травы. Есть в лагере ничего не давали, спали на голых нарах. Питьевой воды там не было, только большая сажалка. Из нее и пили. В ней же стирали пеленки. Военнопленных очень много было. Лагерь же большой. Они часто рыли, прорывали под проволокой подкопы и убегали. Многие потом ушли в партизаны.

Возле «5-го полка» есть ров. Там расстреливали людей. Мы были маленькими девчонками и близко подходить боялись. Наблюдали за всем издали. Видно было прекрасно. Выкопют ямы, нагонят из барakov пленных и давай стрелять. Вместе падали и убитые, и раненые. Чтоб потом никто не смог вылезти, немцы присыпали землей. И еще: идет немецкий конь, а трупы кидают прямо в телегу. Нагружат целый воз — и в общую яму. Накидают полную — засплюют землей.

Из «5-го полка» всех вывозили в разные стороны. Нас — куда-то под Польшу.

Софья Свирская
(*Дети войны.* — <Вт.>, 2009. — С. 106)

* * *

Немцы обвинили нас в том, что это мы подаем некие сигналы партизанам, и забрали в «5-й полк». Перед нашим приездом расстреляли или куда-то вывезли всех военнопленных. Заняли их бараки. Обращение очень плохое, собаки, проволока колючая кругом. Стоило к ней подойти, сразу с вышки стрелял часовой. Антисанитария страшная. Туалетов нет. Кормежка, считай, никакая. Баланду варили (не знаю, где они ее брали) из черной муки. Она даже не сварена была, просто заболтана. На целый день давали маленький половничек. Хлеба не

было никакого. Начались кишечные инфекции, сыпной и брюшной тиф. Говорят, немцы заражали специально. Не согласна. Мы сами друг друга заражали. Может, в других лагерях подобное было. Половина наших вымерла и без этого.

Как-то во время облавы на партизан попал в «5-й полк» и мой брат, но каким-то чудом оттуда удрал. Потом нас поселили в какие-то дома на улице Гончарной, во дворе там стоял патруль. Вскоре всех вернули назад. Тех, кто там был временно, немцы вывезли. Одних в иные концлагеря, других в Австрию и Германию. Перед отступлением они поняли, что с нами надо что-то делать. Погрузили в «телятники» и куда-то повезли...

Нелли Терещенко
(*Дети войны.* — <Вм.>, 2009. — С. 115-116)

* * *

В «5-м полку» очень много собрали военнопленных. Вывозили их рано утром, часов в 5-6. Расстреливали из автоматов, очередями. Кто упадет замертво, а кто просто ранен. Наш дом был недалеко. Приползут, мать-покойница их обмоет и спрячет. Даже после войны два человека, которых мы спасли, писали ей письма.

Елена Тихонова
(*Дети войны.* — <Вм.>, 2009. — С. 117)

* * *

В январе 1944 года нас загнали в «5-й полк». Мама заболела тифом. Есть давали какую-то баланду. Ну а хлеб немцев вообще плохой — с опилками. Есть его было невозможно, но другого выхода не было. Я все время крутилась возле мамы, но тифом почему-то не заболела.

Когда нас пригнали в «5-й полк», военнопленных там уже не было. Часть погибла, часть вывезли на разные работы, в том числе и в Германию. Они ведь все были молодыми. Каждый барак был отдельно обнесен колючей проволокой. Молодых женщин сортировали, отбирали для работы в Германии. Из «5-го полка» брали только женщин. Малых детей у них отбирали, оставляли их со стариками.

Воду нам привозили из сажалки (она и сейчас сохранилась), а туалетов не было никаких. По нужде ходили в канавы. Естественно, все это стекало в грунтовые воды. Антисанитария ужасная. Ступить абсолютно негде. Поначалу еще какие-то доски были уложены, а потом не стало и их.

Весной нас выгнали из лагеря и погрузили в вагоны. Вывезли в лес. Лиозненский район, деревня Марьяново.

*Алла Шенникова
(Дети войны. — <Вст.>, 2009. — С. 122)*

Глава 3-я. Из лагеря в лагерь

В сводке Совинформбюро за 4 июня сообщалось: «На юго-восток от города Витебска наши отряды в одном населенном пункте освободили 8.000 мирных граждан, которых согнали гитлеровцы в концентрационный лагерь».

Ниже мы публикуем корреспонденцию о страшных страданиях, которые пережили советские люди в этом концлагере, и о том, как их освободили наши воины.

Это был ужас

Концентрационный лагерь находился на территории военного городка, в двух километрах от Витебска по Полоцкому шоссе. Этот лагерь был своеобразным ситом, через которое за последние четыре месяца 1944 года немцы просеяли несколько раз все население города и ближайших районов. Согнав сюда на неделю-две десятки тысяч людей, гитлеровцы сразу отбирали всех трудоспособных людей от 13 до 60-летнего возраста и выгоняли их под страхом смерти на каторжную работу в Германию. Только 3 марта было отправлено из Витебска 15 эшелонов с людьми.

До мая месяца город Витебск и десятки окрестных деревень совсем опустели. Тысячи детей, стариков и калек были согнаны в концентрационный лагерь, обнесены высокой оградой и колючей проволокой. Потянулись страшные дни мучений и издевательств. Вот что рассказывали нам люди, которые вырвались из этого страха.

— Холодные, с малюсенькими незастекленными окнами бараки, — говорит Екатерина Петровна Давпенко, которая раньше жила в Витебске по 2-й Гуторовской ул., 3, — имели трехъярусные сплошные нары. Жили вместе и здоровые, и больные тифом. С целью издевательства и увеличения заболеваемости гитлеровцы ежедневно гоняли нас в баню. Там они крали нашу одежду. Из бани малые и старые почти голые возвращались в холодные бараки.

— Немецкие бандиты, чтобы не ходить далеко за водой, — рассказывает Яков Людвигович Лаский, — нередко поили нас грязной, вонючей жидкостью, которая оставалась у них от купания коней. Холод, голод, эпидемические болезни ежедневно укладывали в могилу 10-20 человек.

Грабительство

27 мая немцы начали эвакуацию лагеря, объявив заключенным, что их повезут в направлении к Орше. Здоровые и больные, дети и старики были погружены в товарные вагоны. Целые сутки эшелоны были наглухо закрыты. Потом паровоз тронулся.

— На разъезде Лычковского, — рассказывал Григорий Матвеевич Иванов, житель деревни Козюлино, — поезд остановился. Нам приказали выйти из вагонов, но одежду с собой не брать, ибо через час-другой поезд пойдет дальше, а сейчас, дескать, будет медицинский осмотр. Но мы хорошо знаем немцев и не верим им. Из вагонов выскакиваем и поклажу какую-нибудь за собой тянем. Но здесь на нас налетели немцы и давай мешки с плеч срезать и нас лупцевать. Огляделся я, вижу: только ножи блестят да палки, будто цепи на току мелькают. Со мной сестра моя Марфа была, 70-летняя. Как спрыгнула она из вагона, так подняться не может. Я помогаю ей. А здесь подоспел немец с закасанными по локоть рукавами да так ударит меня палкой по голове, что я сел на месте. Вырвал он у меня из рук торбу да каблуком и оплеухами отогнал от сестры. Так она там и осталась лежать под откосом. Забили, наверно, старую. А поезд тут же на глазах наших и с пожитками нашими отправили с разъезда куда-то дальше, — закончил Григорий Матвеевич.

По выжженной земле

Четверо суток восьмимысячную толпу обессиленных, голодных, в лохмотьях людей гитлеровцы гоняли с места на место по выжженной земле. Тех, кто не мог дальше идти, конвоиры давили лошаадьми, избивали палками или пристреливали на месте.

— Моя старуха и теперь нагнуться не может, — говорит витебский житель Максим Демьянович Баранов. — Только она остановилась отдохнуть на минутку, посмотрела: сзади немецкий офицер на коне. Не успела моя Ивановна посторониться, как оказалась под копытами. Теперь у нее весь бок будто бы чернилами вымазан.

От массового грабежа беззащитных стариков и детей в поезде и по дороге в новый неизвестный лагерь немцы перешли к мелкому обкрадыванию. Они снимали с плеч пальто, обувь, отбирали часы и даже мелкую серебряную монету. На одном из привалов солдат-конвоир отозвал Анну Прохоровну Соколову — жительницу деревни Рыбки — в кусты и силой стянул с нее сапоги. Другой гитлеровец отобрал котомку с одеждой у Пелагеи Яковлевны Себежко из города Велижа. Перед нами стоит с синяками и шишками на лбу 10-летний Шура

Узники концлагеря «5-й полк», освобожденные в районе д. Марьяново

Витковский, односельчанин Соколовой. Он мало жил, но много видел и пострадал. Когда немец выхватил из рук Шуры котомку, то он, не раздумывая, вступил в неравную борьбу. Гитлеровский ублюдок, вооруженный автоматом, вышел победителем из этого поединка. Он избил ребенка и отобрал у него последний кусок хлеба.

Последняя ночь

Колючая проволока и свежие трупы, крик детей и тяжелые стоны — вот чем заполнился лес. Мы слышали очень много про немецких бандитов, мы знаем о краснодарских рвах и харьковских «душегубках». Но как назвать то, что мы видим сейчас? Где взять слова русскому человеку для того, чтобы рассказать о нечеловеческих мучениях и большом горе тысяч белорусских граждан — детей, юношей, женщин, стариков. Этот лагерь без номера. Здесь за колючей проволокой держали 8.000 мирных жителей города Витебска и ближайших районов. Они пробыли здесь всего 48 часов, но никогда не забудет эти черные два дня тот, кто был здесь, никогда не забудет тот, кто видел своими глазами это страшное место.

Мы пришли в лагерь следующим утром. Еще издалека ветер донес смердящий трупный запах. Голосили дети и взрослые. Перед самым входом за колючую проволоку около небольшого рва лежал в крови мужчина средних лет с пробитым затылком и разорванным ртом. Вот

Узники концлагеря «5-й полк», освобожденные в районе д. Марьяново

лежит в беспамятстве Евдокия Романовская, мать шести детей. Немцы избили ее палкой за то, что она не могла сама ходить. Все ее лицо в синяках. В таком же положении 65-летняя Анна Ивановна Леонова — крестьянка деревни Краснополье Витебского района. Около нее плачет 5-летний внук Сенька. Его также не миновала немецкая дубинка. И так нет конца этой трагедии, этому большому человеческому горю.

Мы проходим мимо сотен шалашей. Молчаливые, они говорят остатками вещей, следами пыток, трупами. Они обвиняют. Они призывают к мщению. Валяются детские шапочки, пеленки, игрушки, туфельки, женские сорочки. Тут же неподалеку 46 могил. Здесь похоронены умершие от голода и издевательств. Все трупы трудно опознать. От пыток и зверств некоторые потеряли человеческий вид. Но остались живые. Они говорят.

Страшную, неслыханную историю о последней ночи в лагере рассказал нам Григорий Вакулович Иванов, бывший сменный мастер Витебской льнопрядильной фабрики имени Кагановича [16].

— Вечером нам объявили, что все население от 13 до 50 лет должно выйти на оборонные работы. В лагере поднялся плач и голошение. Люди сердцем чувствовали недоброе. Многие начали бегать по лесу, разыскивая место, где бы спрятаться. На следующий день никто не вышел. Немецкие солдаты и офицеры с собаками начали искать. В тот же

день они поймали до 40 человек и повели. Вечером приехал какой-то их начальник. Они долго совещались. А потом вновь начались поиски молодежи, грабежи. Я сам видел, как одного мужчину, который не хотел отдавать свои серебряные часы, немцы повели в бункер, потом его под конвоем повели за проволоку, где он начал копать яму. Поздно ночью слышались выстрелы. Мы тесно прижались один к одному, ожидая своей смерти. Так мы и пробыли до утра. Когда рассвело, немцев уже не было. Мы вышли из шалашей и увидели советских бойцов. Мы взяли белые косынки на палках и начали размахивать. В нас никто не стрелял. Около проволоки лежало много убитых. Там я узнал и мужчину, у которого хотели отнять часы, и моих знакомых: Есленкова, отца 4 детей, Алексея Перестлягина и бывшего заведующего хозяйством больницы поселка Марковщина. Анна Ивановна Сыроежкова узнала своего 16-летнего сына Владимира. Нам повезло. Мы сейчас будем жить долго. Это было утром 3 июня. Солнце впервые засверкало над лагерем настоящей теплотой и лаской. Люди плакали от счастья. Первые наши освободители (это были три разведчика) — лейтенант Коваленко, старший сержант Кулимбаев и старший сержант Степанов.

На воле

Это необычайное шествие началось с того момента, когда первые три наших разведчика увидели белые флажки. Тысячи мужчин, женщин, детей, растянувшись на несколько километров, отходили на несколько километров от своего жилища-могил. Эти люди, обессиленные голодом и побоями, возможно, были похожи на ту огромную толпу, которая в февральскую стужу 1944 года шла из Витебска. Так, возможно, издалека это выглядело. Но приглядитесь ближе. Глаза их сияют радостью. Некоторые начинают петь. И тогда еще больше начинаешь понимать, какое огромное дело сделал русский боец, сколько жизней вернул он к свободе и свету.

12-15 километров, которые прошли освобожденные из лагеря без номера до первой своей ночевки, были дорогой волнующих встреч. Из лесов и перелесков, из блиндажей и землянок выходили бойцы и офицеры. Они молча смотрели на обессиленных людей, и руки их сжимались в кулаки. Дети протягивали руки, и наши солдаты отвечали им приветственным взмахом рук.

А люди все идут и идут, и кажется, нет и не будет конца. Изможденные и голодные граждане долго не ложились спать. Ибо почти три года они не слышали родного слова. Почти три года некому было рассказать о своем горе.

Узники концлагеря «5-й полк», освобожденные в районе д. Марьяново

Утром привезли продукты. Ровными лентами вился дым. Ожили, зашевелились кусты. Загremели котелки и миски.

Приехал секретарь Витебского обкома партии тов. Стулов [17]. Многие рабочие витебских предприятий его узнали. Они говорили:

— Мы приедем в свой Витебск. Мы поднимем наш город из руин.

М. Моноеев, Ал. Фридлянский.

Действующая армия. На юго-восток от Витебска.

(Комсомольская правда. — 1944 г., 9 июня)

* * *

Советские войска стояли на боевых рубежах перед последним решающим наступлением в Беларуси. Начиная с мая 1944 года в сводках Советского информационного бюро почти ежедневно упоминалось витебское направление. В это время особенно усиленно шли поиски разведчиков. Наши воины смело пробирались в тыл врага, прощупывали его передний край, захватывали «языков», добывали важные сведения, документы. Готовился штурм старательно укрепленного немцами Витебска — важнейшего узла вражеских коммуникаций.

Накануне решающей битвы на витебской земле в одну из дивизий после излечения в медсанбате прибывает Михаил Филиппович Маскаев [18]. Он назначается командиром разведроты.

А теперь представим слово герою июньской битвы в лесу. Вот что он пишет: «Наша разведрота размещалась тогда рядом со штабом дивизии. Близо находился взвод снайперов. Поздно вечером играл духовой оркестр. Все мы танцевали. И вдруг оркестр замолк. Адьютант командира дивизии объявил:

— Командира разведроты к командиру дивизии!

Я получил боевое задание. Роту поднял по тревоге. И на передний край. Зашли лесом в нейтральную полосу. Разведали оборону и огневые точки противника. Боевое задание выполнено. Можно было вернуться в подразделение. И вдруг поблизости услышали страшные крики женщин и плач детей. Что это?.. Видимо, поблизости фашистский концентрационный лагерь.

Вызываю командиров взводов и говорю им: «Слышите крики и стоны? Это там наши советские люди в фашистской неволе. Выручим?»

Командиры взводов в один голос:

— Выручим.

Здесь же на минуту собираю коммунистов и комсомольцев. Все вместе обсуждаем обстановку...»

А была она чрезвычайно сложная, загадочная. Ночью 3 июня противник без боев почему-то отошел на новый оборонительный рубеж. Лагерь же покинули на старом месте. Таким образом, он оказался в нейтральной полосе. Почему ж гитлеровцы не переместили узников в свой тыл? На этот вопрос мог быть дан только один ответ: видимо, фашисты решили использовать тысячи мирных советских людей как живую защиту, как прикрытие от ударов наших войск.

К отходу противника лагерь охраняла команда СС (служба охраны). И вот новая неожиданность: в последнюю ночь враг снял охрану лагеря, покинул только вблизи свои дозоры. Неужто гитлеровцы решили оставить в покое свои жертвы? Нет, на это рассчитывать было нельзя. Короче говоря, было над чем подумать разведчикам. Можно было после выполнения своего боевого задания срочно возвратиться в подразделение и доложить о лагере. Вывести, как говорят, под носом у врага тысячи людей — проблема не из простых. А с помощью воинов наших подразделений это, как известно, сделать легче. Но разведчики решительно отвергли этот вариант. Надо действовать неотлагательно. Гитлеровцы, видимо, задумали что-то страшное. Быстрее, быстрее вывести людей из лагеря смерти! Разведчики понимали, что дорога каждая минута, секунда. «Наши ребята, — рассказывает Михаил Филиппович Маскаев, — еще в темноте скрытно

преодолели сплошное ограждение и около самых покинутых врагом траншей ждали команды. И как только она была дана, хлопцы сняли дозорных врага. Быстро приблизились к лагерю, разрезали ограждение, разминировали выход...»

Быстрее, быстрее! Маскаевцы, рискуя жизнью, пробивали бывшим узникам путь, очищали его от мин. Не медля, начали выводить со страшного места тяжелобольных, которые сами не могли двигаться. Да, самостоятельно принявшие решение, разведчики имели основание для этого. Гитлеровцы, действительно, задумали еще одно неимоверное преступление против человечности. Они открыли ураганный артиллерийский огонь по территории лагеря. Но, к счастью, уже было поздно. Наши советские люди в тот момент почти полностью были вывезены из лагеря. Их маскаевцы вырвали из лап смерти.

Е. Рыклин, Л. Питерский.

(Битва за жизнь // Віцебскі рабочы. — 1964. — 21 лютага).

* * *

Весной 1944 года фашисты погрузили узников в товарные вагоны. Люди не выдерживали духоты, падали в обморок, задыхались. Повезли нас в неизвестном направлении. Затем поезд остановился, нас выгнали из вагонов, погнали пешком по полям, лесам и болотам. Гоняли в течение нескольких дней. В одну из ночей мы оказались в глухом лесу, огражденном колючей проволокой. Чтобы как-то спрятаться от дождя, из веток елок делали шалаши. Кроме нас, здесь были воспитанники детдома, тифозные больные, раненные военнопленные. Всего — более 12 тысяч человек. Пищу почти не давали. Поэтому ели кору деревьев и траву. Каждый день фашисты забирали людей и куда-то увозили. Больше их никто не видел. Воду брали из ручья, она была коричневатая.

Только потом стало известно, что это из-за крови расстрелянных людей. Убежать было невозможно, территорию вокруг леса фашисты заминировали. Над лесом постоянно кружили фашистские самолеты. И никто уже не сомневался, что наша участь решена. Но случилось настоящее чудо: группа бойцов Красной Армии проникла в этот страшный лес и спасла нас. До сих пор помню, как все плакали от радости, как целовали и благодарили своих освободителей. Жаль только, что никто из нас не догадался тогда спросить их имена.

Многие узники этого лагеря и сейчас носят боль в сердце, к сожалению, не могут доказать, что они были в этом лагере, где около 4 тысяч мирных граждан остались лежать навечно. Хотя некоторые

узнали себя в фотокинодокументах, на которых запечатлены бои за освобождение Витебска и освобождение узников из того страшного лагеря. При освобождении из лагеря, как утверждали старшие по возрасту, велась перепись узников. Они проходили санобработку, их эвакуировали в Износковский и Тешкинский районы тогдашней Смоленской области по спискам. Может быть, эти списки сохранились где-то до наших дней?

*Владимир Ризо
(Витьбичи, 1999 г., 1 июня)*

* * *

28 мая в четыре часа утра жандармерия оцепила городскую инфекционную больницу. Подъехали автомашины. С палками и плетками в руках жандармы врвались в палаты — отделили обслуживающий персонал от больных и начали выгонять во двор. Больных, как дрова, кидали в кузова машин. Потом завезли на станцию Витебск и погрузили в телячьи вагоны. Все время воздух потрясали душераздирающие крики и стоны больных. Еще на станции трое больных не выдержали и умерли. Покойников не похоронили, а выкинули в развалины взорванного депо. Больные и выздоравливающие были заперты в одних вагонах. От спертго воздуха и без воды больные задыхались, умирали. Вечером поезд тронулся. Ехали всю ночь. Утром паровоз остановился на каком-то разъезде. Подогнали грузовые автомашины. Всем находящимся в вагонах приказали взять с собой только ложки и котелки и переходить на автомашины. Тех, кто пробовал взять какие-нибудь свои котомки, немцы избивали.

На автомашинах нас провезли километров 30 и остановились в некой деревне. Началась разгрузка. Здесь уже были больные из Марковской больницы, беспризорные дети. Больные голые лежали на земле. Только из нашей больницы от голода и холода здесь умерло 12 больных.

29 мая вечером по приказу начальника этого концентрационного лагеря, немецкого капитана, больных вновь начали грузить на машины. Нагрузили 32 автомашины больными и одну — обслуживающим персоналом и повезли. В половине второго часа ночи машины остановились в лесу. Мы увидели проволочную ограду в несколько рядов, расставленные пулеметы, немецких часовых. Это был лагерь смерти. Нас загнали за проволочную ограду. Никаких строений здесь не было, размещались на сырой земле. Немцы ежедневно шныряли по лагерю, отбирали помоложе и выводили оттуда. Забрали и моего

сынка Георгия. После гитлеровцы расстреляли их тут же около лагеря. Трупы несчастных чуть прикрыли землей, торчали руки и ноги. Я лично опознала расстрелянного гитлеровцами больного нашей больницы Пезенкова, завхоза Марковской больницы Адамовича.

Воины Красной Армии вырвали нас из лагеря смерти. Мы теперь на освобожденной советской земле. Радости нашей нет границ.

*А. Лебедева, медсестра, жительница города Витебска.
(Газета «Віцебскі рабочы», 10 июня 1944 г.)*

* * *

Я жительница Витебска. Ненавистный враг ворвался в наш родной город. Меня с детьми и мужем немцы согнали с родного дома. В марте этого года всю нашу семью загнали в концентрационный лагерь, что размещается на месте бывшего 5-го железнодорожного полка. Здесь разлучили меня с мужем, а детей с отцом и погнали его неизвестно куда. Через две недели меня с детьми отпустили из лагеря. Месяц жили в разрушенном доме на Гончарной улице и все заболели тифом. Положили нас в заразный барак городской инфекционной больницы. 28 мая сюда ворвались жандармы и приказали всем больным быстро выходить на улицу и погружаться на автомашину. Раздались невыносимые крики и стоны. Лежащих больных вкидывали в автомашины на голый пол кузова. У моего сыночка Сережи была температура 40 градусов. Я хотела взять для него подушку, но немец так ударил меня палкой по спине, что я чуть устояла на ногах.

Нас привезли на станцию Витебск и сгрузили в один вагон. Тут оказалось 64 больных. Двери вагона были закрыты, и нам не хватало воздуха. Дети не выдерживали и ртами припадали к щелям вагона. Немецкие конвоиры с внешней стороны совали в них палками.

В этом вагоне мы были целый день голодные и без воды. Поздно вечером поезд тронулся. Не доезжая километров восемь до Богушевска, он остановился. Подошли машины. Людей перегрузили на них, а вещей не дали забрать с собой. Завезли нас в какую-то деревню и сгрузили на сырую землю. В этот же день немцы отобрали здоровейших и погнали пешком неизвестно куда. Потом детей и больных завезли в лес. Здесь мы увидели за колючей проволокой лежащих людей. Находящиеся в машинах матери начали обнимать своих детей, слышались крики: «Не убивайте». Я прижала к себе своих детей. Вскоре всех больных и детей загнали за колючую ограду в концентрационный лагерь. Здесь отбирали юношей и девчат с 13 лет и мужчин будто бы в рабочий батальон. Но потом их фашистские звери расстреляли.

Воины Красной Армии освободили нас из немецкого лагеря смерти. Для меня настал великий день, который я никогда не забуду. В рядах Красной Армии с первых дней Отечественной войны находится мой сын Николай. Сынок мой, услышь слова своей матери: «Отомсти проклятому немцу!».

Евдокия Журова
(Газета «Віцебскі рабочы», 10 июня 1944 г.)

* * *

Поезд остановился. Немцы приказали быстро выходить, брать с собой только котелки. Сказали, что ведут на обед, построили колонну и повели. Новый лагерь был в нескольких километрах. В районе Крынок есть деревня Марьяново. Там уже колючая проволока была подготовлена. Двенадцать тысяч человек привезли туда из Витебска. И сумасшедших, и с тифозных барачков. У немцев было две цели. Прогнать нас по минным полям и прорваться самим. Вторая цель (если кто-то останется жив) — заражать Красную Армию тифом и прочими заразными болезнями. Нашли там мамину сестру. Она попала туда с детьми. Только их привезли на машинах, а не поездом. Тоже с «5-го полка».

Сделали шалаши из елочных веток. Болото. Вода ржавая, зачерпнешь, через тряпку процедишь и пьешь. Один раз дали хлеб, булку в один руки.

2 июня немцы начали заставлять 125 специально отобранных молодых людей минировать лагерь. Мы об этом не знали. Забирают их, а куда — неизвестно. Как-то вечером бежит один и просит женщин его спрятать. Лезет в наш шалаш, а мать ему говорит, что если его найдут, то нас всех расстреляют. Посоветовала залезть на дерево. Уже стемнело. Высокие сосны. Быстренько залез и спрятался в ветках. Через несколько минут прибежали немцы и сразу к нам в шалаш. Никого нет. Побежали дальше. Утром проснулись. Немцев нигде нет, даже в землянке, где жила их охрана. Идем, смотрим — ямка и лежит человек убитый. Чуть-чуть землей присыпан. Дальше еще одна ямка, опять убитый. Оказывается, что этих людей заставили минировать лагерь. А после каждому приказывали выкопать себе могилу и расстреливали. Спасся только тот, кто залез на дерево...

Начали просыпаться остальные. Как увидели, что землянка охраны пуста, побежали прямо на... мины. Взрывы, крик, гвалт. Тот, кто был на дереве, слез и сказал, что нас выведет. Построились по четыре человека в колонну, начали выходить. Он шел впереди, знал, где

есть мины, а где нет. Дошли до мостика. Он остановил всех. Пошел под мост, снял мину, и мы двинулись дальше. Полем километра два прошли. Смотрим: в маскхалатах навстречу нам идет несколько человек. Это были наши разведчики. Они сказали, что дальше убитой лошади идти нельзя — минные поля, по которым немцы хотели нас прогнать. Разведчики пошли в лагерь, и сразу же начался обстрел из дальнобойных орудий. Дошли до убитой лошади, сели. Те, кто был в хвосте колонны, не слышали предупреждения разведчиков. Давай разбирать проволочные заграждения. Нас они не послушали и начали взрываться. Пока не пришли разведчики, одному ребенку ножку оторвало и ранило других. <...> Не дай Бог кому-то испытать то, что пережито нами.

Михаил Булыгин
(*Дети войны.* — <Вст.>, 2009. — С. 20-21).

* * *

На мне были какие-то бурки с колошами, зимнее пальто, завязанные матерью теплые платки, а тут — такая жара. Подогнали машины и давай нас сортировать. Молодежь и мужчин — отдельно, детей, стариков и женщин — отдельно. Привезли на железнодорожную станцию, посадили в товарные вагоны. Давка ужасная, людей набилось, как селедок в бочке. Поехали. Тогда я не знала, куда, а теперь, по рассказам взрослых, могу сказать, что нас везли на Оршу. Я уснула и проснулась на рассвете. Свежо. Двери открылись, нам приказали выходить. Ничего взять с собой не разрешили. Немцы объяснили, что вещи доставят в лагерь, а нас поведут вшей выгонять. Дескать, потом мы все получим. По сегодняшний день получаем...

Нас построили и куда-то погнали. Оказывается, это было где-то в районе Богушевска. Я не знаю, сколько мы шли, сутки или двое. Остановились под Крынками, недалеко от деревни Марьяново. Немцы приказали располагаться на земле. Рано утром подъем и опять куда-то гонят. Идем, идем, идем. Солнце поднялось, стало жарко. Кто упал — пристреливали и пошли дальше. Так было с неделю, наверное. В итоге нас пригнали на то же самое место, что и первый раз. Наконец, переводчик сказал, что у кого есть возможность, то нужно строить себе шалаши из еловых веток. Папа сделал шалаш нам и еще одной женщине. Фронт был недалеко от нашего леса. Расположились под открытым небом, даже слышали звуки советского радио. Немцы начали стрелять, чтобы их заглушить. Лес был разделен широкой дорогой. По ней ходили немцы с переводчиком и в рупор го-

ворили: «Кто хочет записаться в рабочий батальон, просим выходить на дорогу. Всех, кто вышел, они в ту ночь расстреляли в овраге. Люди потом узнавали своих только по приметам, потому что их расстреливали разрывными пулями.

Долго мы там не задержались.

Это было 3 июля. Просыпаюсь, а все вокруг заволочло дымом. Отступая, немцы заминировали и подожгли лес. Потом пришли советские разведчики. Где разминировали, они поставили красные флажки. Сказали идти строго след в след. Люди нетерпеливо стали обгонять друг друга и подрывались на минах. По глубокой и длинной (километров десять) траншее мы вышли из заминированного леса. Разрывов слышно не было, только над лесом, который обстреливали с двух сторон, стелился дымок. И на земле лежали вывезенные из инфекционной больницы тяжелые больные. Я к ним не подходила. Они просили пить, а у нас ничего не было. Добывали воду так: нажмешь на мох, водичка набежит — попьешь.

Когда кончилась траншея, смотрю: стоят повозки с красными крестами. Это был какой-то медсанбат. Люди в белых халатах (медсестры и врачи) ходили и говорили: «Сегодня спать ложитесь на голую землю, подстилайте, что у кого есть, а завтра мы вас отправим в советский тыл». Так и вышло. Нас погрузили в эшелоны и повезли.

Евдокия Дежарева

(Дети войны. — <Вм.>, 2009. — С. 30-31)

* * *

Во время оккупации мы жили возле Смоленского рынка, на улице, которая теперь носит имя Грибоедова. Отец ушел в партизаны. Меня и сестру (младше на четыре года, то есть родилась в год начала войны) мать растила одна. Произошло все в 1943 году. Прямо на улице к нам подъехала какая-то большая крытая брезентом машина. Высокая такая. Похожая на «студебекер». Нашу семью и всех, кто был вокруг, загнали в кузов и отвезли в концлагерь «5-й полк». Хорошо помню тамошние двухъярусные нары. Мать с сестрой спали на первом «этаже», я — на втором. Вскоре мама заболела какой-то инфекционной хворью (точно не помню названия) и умерла. Сестре было два года, мне — пять. Кто-то из местных на подводе отвез нас в детский дом. Тогда он находился на нынешней площади Победы, где сейчас стоят «три штыка». Не помню, сколько мы в нем пробыли. Затем всех собрали и отвезли на железную дорогу, там погрузили в поезд. Кроме детдомовцев, там было много «гражданских». Отвезли в район Кры-

Упамятника в д. Марьяново. Фото А. Хитрова

нок. Высадили в чистом поле. Некоторые вещи остались в вагонах, но поезд тронулся. Шли долго. Потом маленьких детей, помню, посадили на какую-то повозку. Привезли в лес. Это был прифронтовой трудовой лагерь, из окрестностей туда согнали двенадцать тысяч человек [19]. Никаких построек там не было, жили под елками, как говорится, под открытым небом. Над нашими головами на восток летели немецкие снаряды, а на запад — советские. Иногда взрывались неподалеку. Не могу точно сказать, сколько мы там пробыли, только в один из дней в лагерь пришли советские разведчики и приказали тихонько один за одним выходить. <...> Оказалось, очередность выхода из лагеря не была случайной. Когда узники поняли, что перед ними советские войска, то от радости начали бежать в разные стороны. А все вокруг было заминировано. Очень многие тогда погибли.

Анатолий Довгяло

(Дети войны. — <Вст.>, 2009. — С. 31)

**Из докладной записки санитарного инспектора
Витебского облздрава И. Кардаша заместителю наркома
здравоохранения БССР Д. Беляцкому и заведующей
Витебским облздравом М. Денисовой:**

«г. Витебск. 26 июня 1944 г. Сообщаю, что среди вышедшего населения в районе г. Витебска в количестве 8000 чел. в первых числа

июня, кроме больных со всех больниц г. Витебска и витебского детдома, были инфекционные больные городской инфекционной больницы в количестве 403 чел. <...>

Два случая дизентерии, а остальные — с детскими инфекциями и сомнительными диагнозами. Приблизительно 30% всего населения во вражеском тылу переболело. <...>

По договоренности с санитарным отделом 3-го Белорусского фронта все 8000 чел. (еще около линии фронта) прошли трехкратную сортировку с целью выявления инфекционных больных и полную санитарную обработку полевыми душевыми установками и передвижными дезкамерами с применением дезсредств. Выявленные инфекционные больные <...> направлялись в эвакогоспитали и по их линии эвакуировались. Остальные после полной тщательной санитарной обработки жел<езно>дор<ожными> эшелонами направлены в Темкинский и Износский районы Смоленской области. В каждом эшелоне имелся вагон-изолятор и два сопровождающих врача. Для встречи населения в вышеупомянутые районы были посланы два врача. Смоленскому облздравотделу и госсанинспекции мною были даны эпидемическая и санитарная характеристики эвакуированных, также сообщено о проведенных противэпидемических мероприятиях среди беженцев. По прибытии на место назначения (Износский и Темкинский р-ны) все население прошло второй раз полную санитарную обработку и сортировку, после чего было расселено по школам и домам группами в 20-30 чел. На 16.VI. 1944 г. среди них выявлено 70 больных <...>, которые помещены в местные больницы.

*Витоблгоссанинспектор Кардаш
(ГАВО. Ф. 1791, оп. 4, д. 4, лл. 48, 48-об.)*

Примечания

1. Николай Александрович Нартов родился в 1891 г. в с. Любичи Луховицкого района Московской области. Участвовал в первой мировой войне, служил в железнодорожных войсках. Получил звание младшего унтер-офицера. В 1918 г. он вступил в Красную Армию. После окончания гражданской войны закончил курсы инструкторов ПВО (1930 г.), а в 1937 г. — Военно-транспортную академию РККА. После окончания академии преподавал в Военной академии имени М.В.Фрунзе. В начале Великой Отечественной войны, с июня по декабрь 1941 г., Н. А. Нартов был начальником автомобильно-дорожного отдела штаба Северо-Западного фронта, затем возглавлял аналогичный отдел в Наркомате обороны. С апреля по август 1944 г. был

начальником дорожного факультета Военно-транспортной академии Красной Армии, в августе того же года получил назначение на должность начальника военной кафедры в Московском автомобильно-дорожном институте. Находился на этой должности до января 1952 г., когда по болезни был уволен в отставку. Генерал-майор.

2. Железная дорога Леперь-Орша была построена в 1927 году. В описываемое К. Мазуровым время она, вероятно, реконструировалась.

3. Больница в д. Якутино Витебского района, которую создал М. Л. Мурашко.

4. Пахомов Н. И., Дорофеенко Н. И., Дорофеенко Н. В. Витебское подполье. — Мн., 1974. — С. 78-82.

5. Лебедев П. Л. Мы — алексеевцы. Изд. 3-е, дополненное и переработанное. — Мн., 1985. — С. 75.

6. Энциклопедия «Гісторыя Беларусі». — Мн., 6, кн. 1. — С. 21.

7. Дети войны (сост. Е. Баршевская и др.). — <Витебск>, 2009. — С. 76.

8. Дроздова Н. Эти дни — в моем сердце и памяти // Витьбичи. — 2014. — 16 января.

9. Пахомов Н. И., Дорофеенко Н. И., Дорофеенко Н. В. Витебское подполье. — Мн., 1974. — С. 96-97.

10. Прыгавор Ваеннага Трыбунала // Віцебскі рабочы. — 1947. — 5 декабря.

11. Кардаш Иван Брониславович (1919-1993) — работник здравоохранения, заслуженный врач БССР (1964). Закончил Свердловский мединститут (1942). Во время Великой Отечественной войны — организатор медико-санитарной службы партизанской бригады им. Кутузова в Витебской области. В 1943-1949 гг. — старший государственный санитарный инспектор Витебского облисполкома, созданного еще до полного освобождения области, затем — заместитель заведующего облздравом. В 1949-1956 гг. — заместитель министра здравоохранения БССР по кадровым вопросам, в 1956-1974 гг. — главный санитарный врач, заместитель министра здравоохранения БССР, в 1970-1992 гг. — заведующий кафедрой общей гигиены Белорусского государственного института усовершенствования врачей. Кандидат медицинских наук (1968). Доцент (1970), профессор (1976). Автор более 60 научных работ и соавтор двух монографий. (Степаненко Н. Гордость здравоохранения Витебщины. — Вг., 2009. — С. 119).

12. Красная Армия была переименована в Советскую Армию 25 февраля 1946 г. Но авторы документа употребляют такое ее название,

которое существовало во время подготовки документа.

13. Автор имеет в виду только число военнопленных.

14. Территория, которую автор называет пригородом, на самом деле ею не являлась. Она была частью Железнодорожного района Витебска.

15. Автор не совсем точен: аэродром находился на месте микрорайонов между проспектами Московским, Черняховского и улицей Воинов-интернационалистов.

16. Речь идет о бывшей льнопрядильной фабрике «Двина», в настоящее время — ОАО «Витебские ковры».

17. Стулов Иван Андреевич (1904-1964) — один из организаторов и руководителей патриотического подполья и партизанского движения на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны. Закончил Иркутский финансово-экономический институт (1931). С 1920 г. в Красной Армии, с 1925 г. — на комсомольской и педагогической работе, с 1938 г. — 1-й секретарь Витебского обкома КП(б)Б. В годы Великой Отечественной войны сначала был на партийной работе в Красноярском крае, а 8 марта 1942 г. назначен 1-м секретарем Витебского подпольного обкома КП(б)Б, членом Военного совета 4-й ударной армии. С октября 1944 г. — заместитель секретаря ЦК КП(б)Б по промышленности, заведующий промышленным отделом ЦК КП(б)Б. С сентября 1945 г. на советской и педагогической работе в Москве.

18. Маскаев Михаил Филиппович (1918-1984) — участник Великой Отечественной войны. В действующей армии с 1 июня 1942 г. Сражался на Западном, Брянском, Калининском, 3-м Белорусском фронтах. За отвагу и героизм, проявленные при проведении разведывательных операций, Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 июня 1944 года (то есть спустя буквально несколько дней после того, когда разведчики освободили узников Витебского концлагеря!) М. Маскаеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Кроме медали «Золотая звезда» и ордена Ленина, он был награжден еще орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды (двумя), медалью «За отвагу». Спасая жизнь 8 тысячам узников концлагеря «5-й полк», Михаил Филиппович сам неожиданно наступил на мину, взрывом которой ему оторвало ногу.

О подвиге М. Маскаева в Витебске стало известно давно, еще в середине 1960-х гг. 21 февраля 1964 г. в областной газете «Віцебскі рабочы» был опубликован подробный материал об этом. А 17 июня того же года, в ознаменование 20-летия освобождения города от не-

мецко-фашистских захватчиков, горисполком учредил звание «Почетный гражданин города Витебска». Оно присуждалось (цитирую по энциклопедическому справочнику «Витебск») «за активное участие в революционной борьбе, в установлении советской власти, за мужество и героизм, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, ветеранам труда, особо отличившимся в хозяйственном, культурном строительстве и коммунистическом воспитании трудящихся». Первыми лицами, удостоенными этого звания, стали Герои Советского Союза, участвовавшие в освобождении Витебска в 1944 году, Ф. Блохин и М. Дружинин, Герой Социалистического Труда, участница патриотического подполья в годы Великой Отечественной войны М. Маценко и Герой Советского Союза, легендарный партизанский комбриг М. Шмырев. А о М. Маскаеве, спасшем 8 тысяч жизней, никто не вспомнил. Не вспомнили и в последующие два десятилетия, до смерти Героя, хотя это звание регулярно присваивалось (и присваивается до сих пор). Кто только за это время не стал Почетным жителем Витебска! Нередко люди совершенно не тех заслуг, за которые звание должно быть присвоено. А Михаил Филиппович, человек скромный, не считал нужным напоминать в Витебске о себе и о том подвиге, который совершил в 1944 году. Правда, в марте 1989 года бывшей 4-й улице Жданова присвоено имя М. Маскаева.

После войны он жил в городе Бийске Алтайского края, работал директором швейной фабрики, заведующим сберегательной кассой. Активно занимался общественной деятельностью. В марте 1986 года на доме № 4 по улице 8 Марта, где жил Герой в последние годы, была установлена мемориальная доска.

19. Автор ошибается: в лагерь пригнали не «из окрестностей», а узников концлагеря «5-й полк» и других людей, оказавшихся в это время в Витебске.

Научно-популярное издание

**ЛАГЕРЬ СМЕРТИ
«5-й ПОЛК»**

Составители: **Подлипский** Аркадий Михайлович
Ризо Владимир Александрович

Редактор С. В. Серебро
Технический редактор З. В. Цыганкова
Дизайн обложки и верстка С. В. Серебро
Корректор Н. С. Степанова

Подписано в печать 9.06.2014. Формат 62x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,7. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 300 экз. Заказ 4200

Издатель и полиграфическое исполнение:
унитарное полиграфическое предприятие «Витебская областная типография».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий:
1/101 от 2.12.2013, 2/19 от 26.11.2013.
Ул. Щербакова-Набережная, 4, 210015, г. Витебск.
E-mail: vt@vitebsk.by

ТАБЕЦ
ПОДЪЕЗДО
АВТОМОБИЛ
СОБЕТКА
ИТАЛИЯ
ИЗЪЕДИТЕЛСТВО
ИЗДАНИЕ
1944

ISBN 978-985-534-059-2

9 789855 340592